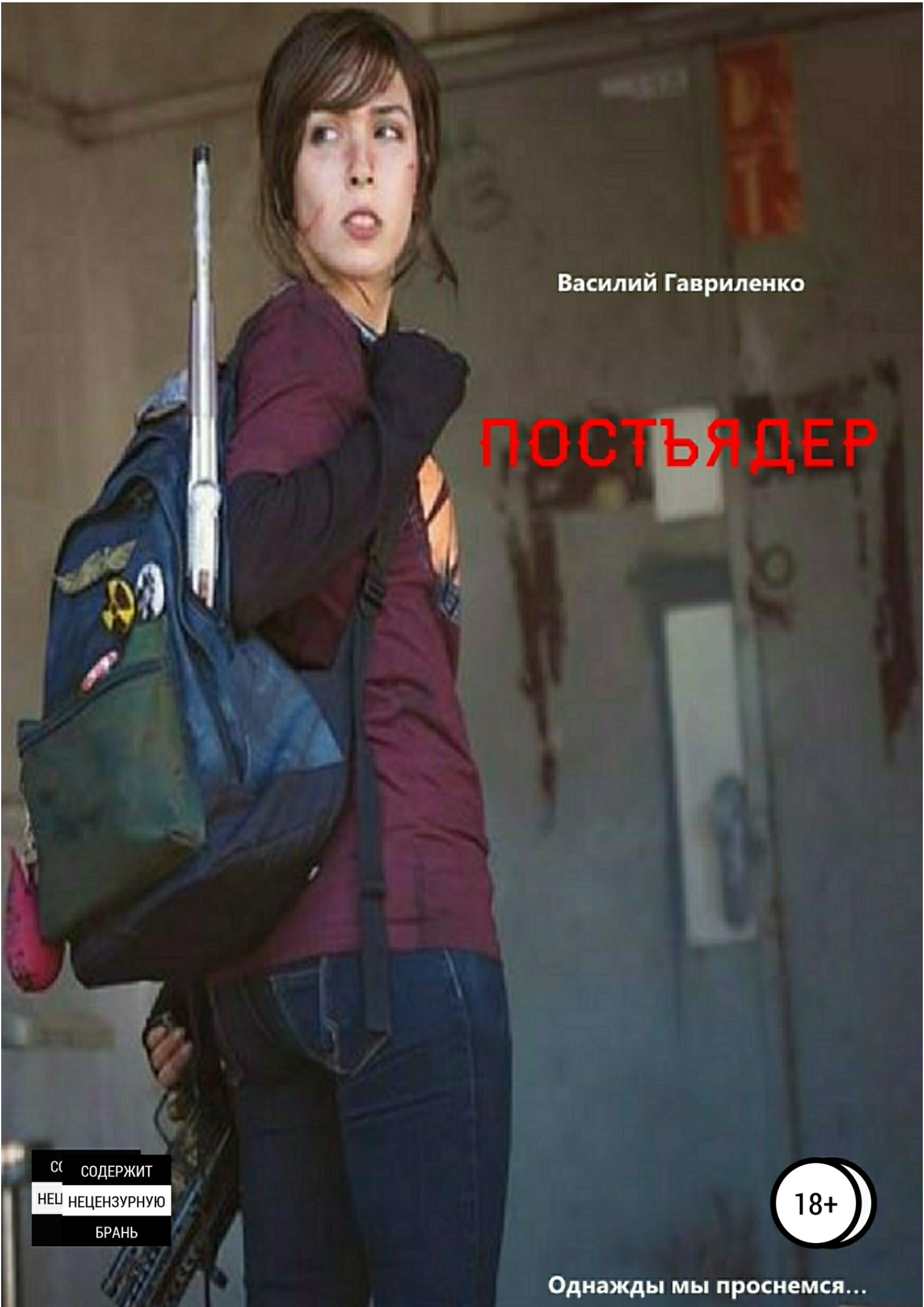

A movie poster for the film 'Postyader'. The central figure is a woman with dark hair and bangs, looking over her shoulder with a concerned expression. She has a small red mark on her cheek. She is wearing a maroon jacket over a dark shirt and blue jeans. A large blue and green backpack is slung over her shoulder, and a silver rifle is visible inside it. The background is a blurred, industrial or urban setting with a door and some hanging items.

Василий Гавриленко

ПОСТЪЯДЕР

С СОДЕРЖИТ
НЕЦ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Однажды мы проснемся...

Василий Гавриленко

Постъядер

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Гавриленко В. Д.

Постъядер / В. Д. Гавриленко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Теплая Птица живет в каждом из нас. Ее невозможно убить. Ее не убьет даже огненный смерч Апокалипсиса, не убьет эпидемия, не убьет то, что на твоих глазах большинство людей стали ЗВЕРЯМИ. Пока жива хотя бы одна Теплая Птица, у ЧЕЛОВЕКА есть шанс. Потому что Теплая Птица – это желание любить и быть любимым. Чтобы выжить в жестоком постапокалиптическом мире, Андрей Островцев стал настоящим зверем - сильным, осторожным и коварным. Встреча с Теплой Птицей все изменила - человеческий облик начал возвращаться к нему. Но сможет ли человек выжить в аду? Содержит нецензурную брань.

© Гавриленко В. Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть первая	5
1. Последний поезд	5
2. Утро на светлой террасе	17
3. Марина	19
4. Female	24
5. Калуга	26
6. Полет над джунглями	31
7. Обнинск	38
8. Подземный институт	45
9. Любовники	54
10. Василиск зашипел	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Часть первая

Два Андрея

1. Последний поезд

Ветви деревьев тянулись друг к другу, сцеплялись, образуя тоннель, из которого должен был появиться Поезд.

На Поляне нас собралось шестеро.

Впрочем, «нас» – это сильно сказано. Я прежде не встречал никого из этих людей, да и уверенности в том, что передо мною люди, не было.

Прислонившись спиной к покрытому мхом дереву, я сидел на толстом слое прелой листвы и наблюдал.

Крепкий игрок в рваной кофте, определенно, опасен.

Остальные – семечки. При условии, что они не атакуют вместе... А Джунгли полны одинок.

Этот ли, тощий и желтый, – мне соперник? Я в одно мгновение вонзил бы в него заточку... Или тот, что нервно курит самокрутку из кленовых листьев?

Ну, самок в расчет не беру, тем более что одна из них, – старуха, с лицом, словно печеная картофелина. На что только рассчитывает на Поляне со своими тонкими, как ветки, руками?

Вторая самка молодая и, должно быть, сильная, с копной ярко-рыжих волос... Но и ей едва ли что-то светит.

Похоже, верзила в кофте оценил возможности собравшихся на Поляне примерно так же, как я, то есть своим главным конкурентом он назначил меня. Ишь, как смотрит! Изучает, сволочь.

– Слышь, долго еще?

Желтый игрок уставился на меня. На Полянах не принято разговаривать, но этот калека, видать, не в курсе, – ничего, прозреет, когда заточка пронзит ему глотку...

– Понятия не имею.

Желтый скрипнул зубами. Отвернулся.

Разумеется, я знаю, когда из тоннеля вынырнет голова Поезда, но сказать во всеуслышание – быть дураком.

Мертвые листья кружатся в воздухе – прощальные письма. Кому-то придется их читать. Уж, конечно, не мне.

Серый курильщик принялся ловить листья, чтобы снова свернуть себе косяк.

Солнечный луч медленно начертил «ПОРА» на земле у моих ног, и я поднялся – пришло время облегчиться, тем самым получив дополнительный козырь.

Мне доводилось видеть игроков, опорожнявшихся прямо на Поляне у всех на виду. Это их право, ведь речь идет о Последнем Поезде, и здесь не до цацканья.

Но я за этим делом всегда ухожу в лес.

Запах прели щекочет ноздри; здесь надо быть начеку – в любой момент из-за дерева может выскочить тварь.

Вот удобная ложбинка. Я сбежал вниз, скользя по мягкой глине, и, спустив штаны, присел на корточки.

— А-а-а!

От сильного толчка в спину я растянулся на дне ложбинки.

Кривая заточка вонзилась в землю возле моей головы. Я откатился в сторону и вскочил на ноги, одной рукой выхватывая из нагрудных ножен заточку, а другой – натягивая штаны. Не дал посрать, сучий потрох.

Верзила наступал, хрипло дыша, сверля меня красными глазами. Силен, как бык, но неповоротлив и медлителен.

Я поиграл в воздухе заточкой перед его носом и ухмыльнулся – даже здесь, в лесу, она блестела. Недаром точил клинок белым камнем и натирал песком.

Моя полуулыбка произвела на верзилу впечатление – он вскипел от ярости. В таком состоянии этот олух едва ли на многое способен – я уложу его, как котенка...

Он прыгнул.

Широкое лезвие полоснуло по руке, я вскрикнул и несколько раз – снизу, в живот и меж ребер, вонзил в верзилу заточку.

Он упал ничком в черные листья и, содрогнувшись, замер.

Я вытер лезвие об его кофту и спрятал в ножны.

Нужно идти на Поляну и ждать Поезд... Но, черт побери, как саднит рука. Я закатал рукав куртки и ужаснулся: из ровного и глубокого пореза лилась кровь, но самое скверное – рука немела. Этот мудак отнял у меня козырь! Я пнул распластанного верзилу и, слегка пошатываясь, стал выбираться из ложбинки.

Из-за широкого ствола вышла рыжая самка. Значит, притащилась с Поляны посмотреть на схватку и добить того, кто победит.... Ну-ну...

Здоровой рукой я выхватил заточку:

– Иди сюда, цыпа.

Но самка не вынимала оружия.

– Что тебе надо? – крикнул я и оторопел: резким движением рыжая распахнула куртку, и я увидел ее грудь, скованную толстым свитером.

– Помоги мне сесть на Поезд, – сказала она.

Вот оно что! Ты хочешь жить и пользуешься тем оружием, каким наградило тебя небо. Что ж, имеешь право, но я не олух.

Рассмеявшись ей в лицо, я пошел на Поляну.

Меня встретили глаза остальных игроков, и я поразился, какой хищный огонь вспыхнул в них при виде раны. Не спешите, сволочи...

Вернулась и рыжая самка. Ни на кого не глядя, прилегла на листву. Какой, должно быть, удар – кто-то не стал лапать ее сиськи.

Впрочем, у меня онемела рука, а это значит, что я теперь слабее этой рыжей. Проклятый верзила!

К вечеру донесся запах гари. Пока рано, надо лежать, экономить силу.

Лишь тонкий пев тепловоза заставил меня подняться и подойти к рельсам. Сейчас... Бог, или кто там, помоги! Другие игроки, словно тени, выстроились вдоль дороги неподалеку от меня.

С ревом из тоннеля, образованного деревьями, показался Поезд, со всех сторон облепленный ухватившимися за что попало людьми. Попасть на крышу нечего и мечтать – там целые деревни.

Рано: первые вагоны перенаселены.

Курильщик и желтый не вытерпели и, отталкивая друг друга, бросились на проносившийся мимо вагон, пытаясь ухватиться за искореженный поручень. Люди из вагона, крича, отпихивали их. Курильщик исчез в шуме колес, а желтый, вцепившись в чью-то руку, поехал, получая удары и тычки.

А вот старуху-то я недооценил. Как ей удалось ухватиться за поручень шестого вагона?

Пора: скоро Поезд начнет набирать ход.

Я увидел свободную подножку и, став на мгновение пружиной, прыгнул на нее.

– Куда, сволочь, – *отбойщик*, карауливший на крыше, достал меня по голове длинной палкой. Если бы я был в порядке, то удержался бы и сбросил этого гада, но раненая рука скользнула, и я полетел вниз, лишь чудом не угодив под колеса.

Преодолевая гром в голове, вскочил.

О, черт! Последний вагон проследовал мимо. На подножке – всего один игрок с трепещущими на ветру волосами.

Я побежал.

Вот вагон, вот подножка, над ней – рукоятка, спасительный металлический штырь, – только бы схватиться за него. Ну! Рука снова подвела меня.

Я все еще бежал, когда игрок, до этого стоявший на подножке спиной ко мне, обернулся. Это была рыжая самка.

Она вдруг наклонилась и протянула руку. Я ухватился за эту руку, плохо соображая, что к чему. Собрав остатки сил, в последнюю секунду впрыгнул на подножку.

– Отпусти.

Словно очнувшись от сна, я понял, что все еще судорожно сжимаю руку рыжей и, отпустив эту теплую руку, взялся за поручень – холодный и скользкий.

Почему эта самка спасла меня? Почему протянула руку? Ведь я не просил о помощи. Помощи?!

Холодная злость начала заполнять душу – надо скинуть ее с Поезда, это Джунгли, я должен так поступить.

Ну, чего ты смотришь на ее затылок? Схватить за волосы, рывок – и самка закувыркается в темноте, там, где перестук колес. Сколько раз ты делал подобное.

Ветер ерошил длинные волосы, рыжие пряди касались моего лица.

Не могу! Дьявол побери, не могу...

Я уткнулся головой в деревянную окантовку и прикрыл глаза: будь что будет.

А на крыше вагона, похоже, что-то назревало.

– Ты занял мое место, гнида.

– Я выдавлю из тебя потроха.

Зазвякало железо, и с крыши свалились два сцепившихся тела. Место освободилось.

Превозмогая боль, я полез наверх.

– Куда, падла! Нам тебя не надо.

Черная, сплюснутая с двух сторон рожа возникла передо мной; неширокий конец длинной палки устремился мне навстречу. Я успел уклониться, и, ухватившись за палку раненой рукой, – от боли в голове взорвалась бомба – дернул.

Палка осталась у меня.

Застонав от напряжения, я подтянулся на одной руке и влез на крышу вагона.

В центре узкой площадки металлическая коротконогая печка выбрасывала в черноту снопы искр; ловя тепло, к ней жались игроки.

Некоторые жарили крыс, насадив на заточенные прутья.

– Эй, вы, какого хрена?

Почему «вы»? Я оглянулся: рыжая стояла за мной, настороженно глядя на игроков. Прицепился банный лист. Жаль, что я ее не сбросил.

Парочка наиболее смелых игроков (а, может, тех, кому больше всех надо), поднялась из-за печки, но я погрозил им палкой:

– Хотите полетать, суки?

Они присели и занялись крысами.

Стараясь не задевать согбенные спины, я пробил путь поближе к печке и, положив перед собой палку, сел на холодное покрытие вагона. Рыжая примостилась рядом, стала смотреть на огонь.

Я уже понял, что нам... тьфу! мне, – повезло. Игроки здесь собрались хлипкие; удивительно, что им вообще удалось попасть на крышу – наверное, сажались в Начале Пути. В глазах у большинства – тусклая мольба: «Не тронь меня».

Однако, кое за кем нужен глаз да глаз – хотя бы вон за тем остролицым, что до белизны в костяшках пальцев сжимает припрятанную на груди заточку, или за этим одноглазым рослым игроком, что так жадно поглощает крысятину, едва не касаясь мордой огня. Была б рука здорова, я занял бы его место у печки.

– Подай крысу, – приказал я сидящему за моей спиной хилаку, оттесненному от печки к самому краю крыши. Тот, бросив затравленный взгляд, дотянулся костлявой рукой до широкого деревянного ящика и подал мне еду.

– *Ловец* тоже давай.

Игрок послушно протянул деревянный заточенный прут. Я насадил на ловец крысу и полез к огню. Сидящие у печки неохотно расступились, и моя крыса зашкворчала, разбирая во все стороны капельки жира. Одноглазый, прищурившись, разглядывал меня с деланным равнодушием, время от времени громко отрывая, – обожрался, сволочь. Тем не менее, я заметил, как он задержал взгляд на моей раненой руке. Вот ведь, не обмотал вовремя, дурак.

Крыса, исходя жиром, зарумянилась, и я поспешил на свое место, не желая с искалеченной рукой драться за место у печи.

Отличная жратва. Сытная, без химического запаха. Я жадно откусил, и тут с изумлением увидел глаза рыжей, в которых были не голод и зависть, а отвращение. Да кто ты такая?

– На, попробуй.

Отстранилась с испугом. Пожав плечами, я занялся едой, стараясь не замечать брезгливых гримас этой самки.

Ночью звезды горят и на небе, и в лесу. Не повезло тем, кто не попал на Поезд.

Я смотрел между ветвями деревьев, проносящимися над головой. В такие ночи – темные и холодные, со звездопадом и луной – странные мысли роятся в голове. Неужели, и вправду существует либо когда-нибудь существовала сила, более могучая, чем Джунгли? Какая это сила

и где она? Там, где светят звезды? Но почему тогда не дает знать о себе? Почему, как самый сильный из игроков, не подчинит жизнь или не уничтожит ее? Вот и эта рыжая... Что в ней – сила или слабость? Почему она не побоялась удара в спину? Откуда в ней это спокойствие, если она слаба?

– Поляна! Готовьте дубины!

Я схватил палку, вскочил. Вместе с другими отбойщиками ринулся к краю крыши. Поезд замедлил ход. Вот и Поляна. Два игрока ожидали свой последний шанс. Один из них прыгнул сразу, и, получив удары от оравы отбойщиков первого вагона, угодил под колеса. Второй выжидал, похоже, нацеливаясь на последний вагон. Поезд преодолел поворот и ускорил ход. Я посмотрел назад – на Поляне уже никого не было, а к лежащему на железнодорожном полотне телу метнулись из лесу плотные тени. Законная добыча тварей...

Отбойщики, довольные скоротечностью битвы, побросали палки и полезли к печке. И все же где второй игрок? Нагнувшись, я увидел темный комок спины. Отступив на полшага, приготовился как можно резче ткнуть палкой, чтобы попасть игроку между лопаток. Игрок слегка пошевелился, поднял голову.

Я увидел расширенные от ужаса глаза и вдруг, не в силах удержаться, полетел в эти глаза и окунулся в них всего лишь на мгновение, но боль – неудержимая, лютая – пронзила меня. Не подчиняясь себе, я опустил палку.

Игрок, хрипя, вскарабкался на крышу и полез в сторону тепла. Ему, похоже, крепко досталось в лесу, сквозь изодранную одежду выглядывало красное. До утра едва ли доживет.

Я медленно опустился на свое место, медленно положил палку. Несколько пар глаз неистово сверлили меня. Лязгнув зубами, как тварь, я демонстративно дотронулся до ножен.

Но вправду, что же со мной приключилось? Искоса – на рыжую. Она смотрела на меня, улыбаясь. Крупные мокрые зубы блестели под луной. Как жаль, что я ее не сбросил!

Поезд ревел, разрывая ночь в клочья. Полян больше не попадалось, вернее, они попадались, но пустые. Люди, и те, кто считал себя людьми, укрылись, где смогли. Молятся теперь, чтобы пережить эту ночь. Едва ли молитвы им помогут. Единственный союзник в Джунглях – закон выживания. Каждый сам за себя... За последние сутки я нарушил его несколько раз.

Рыжая спала, уронив голову на плечо. Ну, какой кретин станет спать на крыше Последнего Поезда? Хуже только уснуть в Джунглях...

Неужели надеется, что ее пощадят и не спихнут с Поезда? А, может быть, она рассчитывает на меня? Что я буду караулить? О, дьявол.

Какое странное лицо у этой самки... Бледное и чистое, не обветренное, не изрезанное шрамами, не обожженное дождем. Она совсем не похожа на игрока.

Рыжая повела плечом. Засопела. Я отвернулся. Не хватало еще, заметит, что смотрю на нее... В Джунглях это не принято.

Но самка не проснулась, а вот у печки началось движение. Длинная тень шмыгнула к спящей. Ага, приметили.

– Не трожь, – бросил я.

Тень колыхнулась. Я достал заточку – луна блеснула на кончике лезвия.

– Ты чего, подлюга? – глухой, словно из-под земли донесшийся голос.

– Не трожь.

Игрок, вполне законно собиравшийся столкнуть уснувшего пассажира с Поезда, отодвинулся, вполголоса матерясь. И было от чего материться. Тот, кто, казалось бы, олицетворяет закон Джунглей, вдруг нарушает его. Ведь я игрок, игрок до мозга костей. У меня срезан кусок кожи с головы, морда окаменела от радиоактивной воды, на теле не счесть шрамы от зубов

и заточек. Я умею убивать за мгновение, я могу убить сотню, если понадобится. Я первый, я самый сильный игрок в Джунглях! Я – закон!

«Ты – закон? Почему же ты не врезал палкой по горбу тому хилаку?»

Зябкий ветер всколыхнул мои волосы, я поежился. К черту. Не рассуждать. Поезд летит, я сел на него...

Предраасветный холод заставил игроков жаться к печи. Не обошлось без стычки, и Поезд покинула еще пара пассажиров. Между тем я с радостью отметил: пальцы на раненой руке начали шевелиться – хороший знак. Вот если бы к печке – тепло излечило бы меня... Но там правят одноглазый и остролицый...

Кусочек солнца вынырнул из-за горизонта и окатил леса чем-то багровым. Терпеть и ждать. Мне нельзя ввязываться в свару, я еще слишком слаб...

– *Мост взорван!*

Сердце подскочило в груди и затрепетало где-то в горле. С головы поезда снова донеслось:

– МОСТ ВЗОРВАН!!!

Черт подери! Сколько надежд, сколько усилий! Проклятье...

– Что случилось? – рыжая ошалело осматривалась. Глаза покраснели, губы припухли от сна.

– Мост взорван.

Самка пошевелилась, собираясь встать.

– Лежи, – крикнул я, и сам что было сил, ухватился за выступы на крыше.

Поезд дернулся, как раненый бык. За визгом тормозов не было слышно воплей игроков, не вовремя вскочивших на ноги. Вот теперь, пожалуй, можно... Я приподнялся, глянул вперед. Первые три вагона уже висели над бездной, и нас неумолимо подтягивало к ней.

Одноглазый игрок пронесся мимо меня и спрыгнул с поезда. Я успел заметить, как земля разломала его, словно глиняного человечка.

Еще два вагона въехали в пропасть, с них горохом посыпались люди.

– Я сейчас прыгну.

Я взглянул на рыжую – глаза расширены, подбородок дрожит.

– Прыгнешь – сдохнешь!

Она поняла и, уцепившись руками за деревянную балку, глядела на меня. А я смотрел вперед, туда, где пропасть втягивала в себя вагоны Последнего Поезда.

До пропасти три вагона – оставшиеся на них игроки в спешке спрыгивают, земля ломает их, мнет.

Два вагона... Вагон...

– Прыгай!

Земля приняла меня, ударила в бок, по голове и, затем, перевернув на спину, добавила по затылку. Но резкой боли я не почувствовал, значит, обошлось. Рыжая спрыгнула почти одновременно со мной.

Вагон медленно – так мне показалось – сполз с обрыва. Через несколько мгновений раздался взрыв, со дна пропасти поднялся багровый язык, лизнувший небо и скрывшийся в каменной пасти. Все смолкло.

Тишина была недолгой. В воздухе раздался, усиливаясь с каждой секундой, стрекот вертолета. *Стрелки!*

– В укрытие!

Рыжая стояла неподвижно, как замороженная. Глядела в бледное небо, где росла черная точка. Я подскочил к ней, схватив за руку, дернул, увлекая за спину могучего дерева. Через пару секунд над лесом пронесся желтобрюхий вертолет.

– Ты что, оглохла?

Не ответила. Ну и черт с тобой.

Я поднялся.

Вертушка кружила над лесом, немного погода к ней присоединилась вторая. Мешкать нельзя, скоро стрелки спустятся вниз.

– Вставай, – Рыжая все еще сидела на земле, дрожа: не игрок она, не игрок! – Надо идти. Не слышит.

Что мне с того, если ее продырявят стрелки?

– Не хочешь идти – оставайся.

Я выкарабкался из укрытия. Вертушки кружили в отдалении, едва не задевая кроны деревьев ржавыми подбрюшьями.

Пригнувшись к земле, я побежал и скоро уперся в овраг, на дне которого в разноцветных водах речушки сгрудились вагоны, а вокруг – тела игроков. Черт подери! Придется спускаться – идти вдоль провала нельзя: стрелки не прикончат, так растерзает тварь. Держаться железки – единственный шанс уцелеть.

Сидя в приовражных кустах, я наблюдал за вертушками. Из лесу показалась рыжая, осмотрелась (в глазах – ужас), заметила меня.

– Пригнись.

От нее теперь не избавишься...

С вертушек сбросили тросы. Маленькие фигурки заспешили вниз – пауки. Все, началась зачистка.

– Спускайся следом за мной, – сказал я и, хватаясь за траву и кусты, полез вниз по склону. Сверху на меня посыпались мелкие камешки из-под ботинок самки.

Мы достигли дна, когда наверху, в лесу, захлопали выстрелы. Значит, кроме нас есть уцелевшие: работенка для стрелков.

В мутной воде речушки лежала большая часть пассажиров Последнего Поезда. Черные от копоти тела, неестественно вывернутые руки и ноги, стеклянные глаза, оскаленные зубы. Приехали, блин. Как здорово, что меня среди них нет.

– Ложись, – шепнула рыжая.

Дьявол! Я, должно быть, свихнулся: «Как здорово, что меня среди них нет!».

Вертушка зависла над нами. Я лежал на спине и видел, как из нутра машины показалась голова стрелка в желтом шлеме.

Я замер, я не дышал, я стал мертвецом.

Ветер колыхнул седые волосы на голове лежащего неподалеку от меня игрока. Тут же раздался звук, похожий на клацанье зубов, и череп трупа взорвался. В лицо мне брызнул кровавый дождь, но я не пошевелился.

– Артур, здесь одни дохлые.

Вертушка, круто взяв влево, скрылась из виду.

Я не сразу пришел в себя, некоторое время лежал неподвижно: по крайней мере, один раз мы с рыжей квиты. Самка уже оклемалась и стояла у кромки воды. Взглянула хмуро:

– Умойся.

И то дело.

Я спустился к речушке, разогнал радужную пленку. Зачерпнул пригоршню зеленоватой влаги, смыл с лица мозги и кровь.

В поисках брода мы двинулись вниз по течению.

На излучине река расширялась, бежала споро и шумно. Из воды торчали камни.

– Попробуем здесь, – обернулся я.

Рыжая кивнула.

Осторожно ступая по скользким, обросшим водорослями камням, мы направились к противоположному берегу. Зеленоватая вода булькала под ногами, пенилась, шевелила водоросли.

Каждое мгновение я ожидал стрекота вертушки.

– Скорей.

– Да иду я.

Она еще и огрызается.

Мы преодолели речку, начали карабкаться по склону. Эта сторона оврага поросла матерым кустарником, поэтому подъем не занял много времени.

Я бросил взгляд на изломанный Поезд. Еще пару часов езды – и я мог бы завладеть местом у печи. Рука уже достаточно послушна...

Перебежками – к лесу.

Только когда кроны деревьев соединились над головой, стало легче.

Рыжая, тяжело дыша, прислонилась к дереву. Ее лицо покраснелось, а глаза блестели. Да ей весело! Мало досталось? Ничего, стрелки и твари наворачстают...

– Абдулла, дикие!

Стрелки! Легки на помине...

Я прыгнул за дерево, уткнувшись носом в сырую, пахнущую прелью, землю. Рыжая рухнула рядом.

Раздались выстрелы, на голову посыпалась кора.

– Обходи!

Мозг обливался расплавленным свинцом, а сердце билось где-то в горле.

– Доставай заточку, – прошипела рыжая. Ее взгляд – почти безумный – вернул мне рассудок.

Я выхватил клинок. Черт возьми, так просто не сдохну. Кувыркнувшись, перебрался за другое дерево. Два стрелка: один слева, другой справа. Особо не спешат: знают, что мы в ловушке. Пусть приблизятся...

Один, два, три, четыре... На пятом ударе сердца, я выскочил из-за дерева, и, швырнув заточку, отпрыгнул в сторону, за ствол дуба. Все слилось – и крик стрелка, и продолжительная пальба второго...

– Абдулла, ты как?

Абдулла не ответил напарнику.

– Сука! – выругался стрелок. С дерева, под которым я укрылся, брызнула кора. – Тварь! Я завалю тебя.

А у меня теперь нет заточки.

Стрельба внезапно оборвалась.

– У него кончились патроны, – крикнула рыжая и вдруг приподнялась, точно желая смерти. Я лежал ничком, ничего не соображая.

– Идиот! Он не может стрелять.

Злые глаза самки, расширенные от страха, вновь сказали мне больше, чем ее крик. Вскочив, я ринулся вперед, к маячившей меж деревьями неуклюжей фигуре в желтом обмундировании.

Стрелок лихорадочно терзал свое оружие. Увидев меня, он отбросил автомат в сторону, потянулся к ножам. Не дав вытащить заточку, я сшиб его с ног. Мы упали в неглубокую ложбинку, полную гнилой воды.

Барахтаясь, я попытался встать. Куда там! Из-под такой туши не выскочишь. Моя голова очутилась под водой. Пытаясь разжать железные пальцы, я извивался, как уж.

Радужные круги поплыли перед глазами. «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Что такое «фазан»? Воздуха!

Вместо воздуха – вода.

Но вот – воздух. Тело стрелка обмякло.

Кое-как я выбрался из-под туши в камуфляжной форме. Отплеываясь и кашляя, прислонился к дереву. Со всхлипами, жадно – воздух. Пить воздух, вдыхать. Пытаясь избавиться от звона в ушах, затряс головой. Рыжая стояла у трупа стрелка. Наклонилась, сорвала пучок пожелтой травы, вытерла окровавленную заточку.

Силы возвращались медленно. Здорово помял... Никогда прежде я не вступал в рукопашную со стрелками. Как и большинство игроков, которым дорога Теплая Птица, убежал, словно кролик, лишь только в воздухе показывалась вертушка. Стрелки – самые сильные в Джунглях, и лучше не стоять у них на пути.

А вот теперь один из них лежит передо мной, другой валяется неподалеку.

Глядя на распластанное в ложбинке тело, я впервые подумал, что иногда игрокам полезно действовать сообща. Рыжая перехватила мой взгляд и ухмыльнулась – на щеках возникли ямочки.

– Не благодари.

– Что? – удивился я.

– Ничего.

– Верни заточку.

Пожала плечами.

– Держи.

– Надо отчаливать, – сказал я, пряча заточку. – В лесу могут быть еще стрелки.

– И ты не возмешь это?

Рыжая пнула лежащий на земле автомат. А ведь и в самом деле, это законная добыча.

– Пойди-ка ошмонай второго.

Самка кивнула и скрылась за деревьями.

Я приблизился к телу, наклонился, снял с мертвеца шлем. Черные волосы, выпученные глаза, перекошенный, облепленный розовой пеной, рот. В общем, человек без Теплой Птицы.

Рюкзак. Зубами и слегка дрожащими пальцами, я развязал веревку. Ого! Похоже, жратва. А это, видимо, патроны. Отлично. Отставил рюкзак в сторону.

Подумав мгновение, стащил с мертвеца ботинки. Куртка, шлем – издали стрелки примут за своего, и трижды подумают, прежде чем стрелять, а игроки... Игроки бросятся наутек.

Вернулась рыжая. Быстро управилась! Прислонилась к дереву, выставив вперед ногу в толстом ботинке стрелка. Кроме ботинок, она прихватила автомат, рюкзак, куртку и шлем. Молодец.

Кленовый лист, кружась, опустился на глаза раздетого мертвеца.

Неспешно двинулись в сторону железнодорожных путей через заросли терна.

– Эй! – окликнула рыжая.

Я обернулся.

– Скажи, как тебя зовут?

– Что?

– Как тебя зовут?

– Нет у меня имени.

Эта самка чересчур любопытна. Имена... Зачем в Джунглях имена? Я уже и не помню, когда меня называли по имени... Нечто смутное, настолько далекое, что даже не верится: было ли?

И вдруг – всполох; да, было, раннее утро на светлой террасе, полноватая женщина с завитыми волосами разливает в чашки чай, светлоголовый мальчик, едва удерживая большую чашку в пухлых ручонках, протягивает ее матери...

– Как знаешь, – сказала рыжая. – Но, даже если тебе не интересно, мое имя – Марина. Марина! Полноватую женщину тоже звали Мариной.

– Ну, я – Андрей.

– Здравствуй, Андрей, – Марина почему-то засмеялась. – Ты из этих мест?

Вот опять...

– Не знаю.

Я и вправду не знал. Однажды очнулся в овраге, опаленный оранжевым ветром, и знал только одно – надо выжить любой ценой. Только светлая терраса порой вспыхивала в сознании, но совсем не так ярко, как мгновение назад.

– Как страшно – быть лишенным родины.

Она бредит?

– А ты не лишенная?

– У меня есть родина. Быть может, я тебе ее покажу, Андрей.

– Очень рад, – усмехнулся я. – Вот наша родина. Мы все рождены в Джунглях.

– Джунгли когда-нибудь кончатся, их время пройдет.

Что она городит? Кто она?

– Странная ты...

– Странная? Андрей, посмотри вокруг – железная дорога, поезда, разрушенные города...

Ты был когда-нибудь в разрушенном городе?

– Нет, – буркнул я. Однажды набрел на какие-то развалины, но подойти к ним не рискнул.

– А о бывших ты знаешь? – Марина раскраснелась.

– Кто же о них не знает? Они были до Джунглей, а затем взорвали все к ебаной матери. Дебилы, короче.

Марина нахмурилась и примолкла. А мне теперь отчего-то хотелось, чтобы она продолжала. Месяцами я не говорил ни с кем и думал, что это правильно, так требуют Джунгли. Я не слышал ничего, кроме коротких фраз на Полянах, предсмертных воплей игроков и рычания дерущихся за Теплую Птицу. Теперь мне хотелось слышать человеческий голос, но Марина молчала.

– Ты прав, – наконец, заговорила она, отстраняя от лица ветку. – Бывшие были дебилами. Как можно было разрушать такой мир?

– А ты знаешь, каким он был?

– Уж точно – не Джунглями.

– А вдруг – хуже?

Марина взглянула на меня и опять замолчала.

Дебри кончились; мы вышли к железной дороге. Я помог Марине вскарабкаться на насыпь по гравию. Ржавые рельсы, извиваясь, ползли к горизонту.

Свечерело. Пошел снег. Спасибо стрелкам за куртки. Надо найти укрытие, пока совсем не стемнело. Твари скоро выйдут на охоту.

На небе вырисовалось бледное пятно луны. Мы шагали по едва видимым из-под свежего снега шпалам. Марина начала прихрамывать – ботинки стрелка натерли ногу. Она перехватила мой взгляд:

– Все нормально.

Долго она так не протянет, нужно укрытие и как можно скорее. Вот и луна стала ярче.

Я оглядывался по сторонам. Надежда обнаружить будку с едва различимыми буквами на голубоватой стене – «КТСМ» – «Когда Тяжело Спасительное Место» – становилась все более призрачной.

Марина вскрикнула.

Дорогу преградила крупная тварь. Вскинув автомат, я надавил на крючок – ни хрена! И как только стрелки пользуются этими штуками? Потянулся к ножнам. Тварь прыгнула. Короткий сухой клекот, и животное тяжело рухнуло на дорогу вблизи от меня. Марина опустила дымящееся оружие.

– Прежде чем стрелять, нажми вот это.

Она указала на небольшой рычажок на автомате.

– Откуда ты все знаешь?

– Жизнь научила.

Марина подошла к твари, дотронулась до оскаленной морды носком ботинка.

– Не стоит, – предостерег я. – Они живучи.

Рыжая отстранилась.

Стало понятно, что на эту ночь такого удобного и надежного убежища, как КТСМ, нам не найти.

Я приметил неподалеку от дороги разлапистое дерево и потянул Марину за рукав:

– Скорей.

Мы съехали с насыпи по гремучему гравию и побежали к дереву. Три твари уже спешили наперерез. На бегу я нажал рычажок автомата, как учила Марина, выстрелил, но не попал. И снова за дело взялась Марина. Одна из тварей упала на бок, другие остановились, обнюхивая мертвого сородича.

– Скорее.

Еще две твари выскочили из дебрей. Я полоснул свинцом и на этот раз – о, чудо! – завалил сразу обеих. Черт подери, неплохая вещичка.

У комля и выше ствол дерева оказался гладким – не на что наступить ногой, не за что уцепиться. Хотя до ближайшего сука я мог бы допрыгнуть... А вот Марина...

– Ну-ка.

Я присел. Она сразу поняла. Подошвы ботинок больно впились мне в плечи, но Марина, поднятая вверх, ухватила за сук, вскарабкалась на дерево.

– Андрей.

Я оглянулся. Не меньше десяти крупных тварей бежали сюда по свежему снегу.

Подпрыгнув, уцепился двумя руками за сук. Теперь надо подтянуться... О, дьявол! Ну почему на крыше вагона я не съел хотя бы три крысы? Где мои силы?

– Чего ты, *слабак*?

Что-то странное колыхнулось у меня в груди и, сжав зубы, я сделал подъем-переворот.

Твари запрыгали вниз, разева пасти. Я прицелился было, но Марина схватила меня за руку:

– Не трать попусту заряды.

Ну вот, она опять права.

Твари повизгивали, кидаясь на ствол дерева.

– Давай повыше залезем, – предложила Марина.

Мы вскарабкались почти на самую вершину.

Туча напозла на луну. Снег усилился. К утру наметет сугробы – это плохо.

Тем временем, привлеченные запахом крови, на поляну спешили все новые и новые твари. Марина с отвращением следила за пиршеством. Эти создания пожирали сородичей.

– Лучше не смотри, – посоветовал я.

Но она не могла оторваться – жутковатые зрелища привлекают.

Визг тварей, словно чем-то шершавым, тер мозг. Скорее всего, пиршество продлится до утра...

Но что произошло со мной пару минут назад? Почему от окрика Марины, от этого слова *слабак* я нашел в себе силы влезть на дерево? Не связано ли это с болтовней о бывших – странных людях, сожравших самих себя, как твари на поляне? Неужели что-то связывает меня с ними? Меня, игрока?

Голова гудела. Надо бы ухитриться поспать, иначе завтра мы не пройдем и пары километров. Я принялся развешивать автоматы и рюкзаки по веткам, прочно накручивая лямки. Марине надоело смотреть на тварей. Повернувшись, она сонно следила за мной.

– Сними ботинок, – приказал я.

Марина послушно стащила обувь, сморщившись от боли. Нога маленькая, узкая и удивительно белая – ну, не игрок она! Мозоль не очень большая, но прорвавшаяся – клочок кожи над красной ранкой.

– Помажь.

Я протянул пузырек с желтоватой водой: однажды мне пришлось вброд переходить ручей, я был бос, как раз из-за мозолей, и заметил, что эта вода облегчает боль.

– Все не выливай.

Пока Марина врачевалась, я осмотрел ботинок. На пятке топорщился кусок коричневой кожи.

С помощью заточки я выправил ботинок и повесил его на ветку рядом с автоматами.

Снял куртку, протянул Марине.

– Обмотай-ка ногу.

– Не надо.

– Завтра не сможешь идти.

Она капризно изогнула губы и, взяв куртку, обмотала вокруг ноги, связав рукава. Ну вот. Теперь нога не будет мерзнуть, а к утру мозоль должна затвердеть.

Пора устраиваться на ночлег. Мне уже приходилось спать на деревьях, и я давно усвоил, что главное – не свалиться спросонья. Достал из внутреннего кармана веревку – только бы ее длины хватило на двоих.

Держа один конец в правой руке, другой перекинул через ствол дерева и схватился за него левой рукой.

– Лезь сюда.

Марина полезла ко мне сквозь ветви.

– Осторожно, – крикнул я, когда она покачнулась, едва не сорвавшись с дерева.

Прямо у ствола ветви толстые, удобные для сна.

– Обмотайся веревкой.

Марина послушалась.

Я связал оба конца веревки суровым узлом.

Несмотря на впивающуюся в спину кору, затекающие руки-ноги, Марина скоро уснула, свесив голову на грудь. Рыжие пряди из-под шлема закрыли ее лицо, и я не мог видеть, как она дышит.

Я посмотрел вверх. За ветками чернело небо. Денек выдался суетливый, но удачный. Я жив, и это несмотря на то, что много раз плюнул в лицо Джунглей. Вернее, жив благодаря тому, что плюнул.

Джунгли полны одиночек...

Я еще раз посмотрел на спящую девушку («девушка» – надо же, вспомнил это слово!) и прикрыл глаза.

2. Утро на светлой террасе

– Андрюша, сахар класть?

Посреди террасы – солнечная лужа. На столе – широком, самодельном – небольшая круглая ваза с печеньем, пара бумажных салфеток, и больше ничего.

– Конечно, клади. Когда ты, наконец, изучишь привычки моего сына?

Женщина в застиранном синем платье вышла из дому на террасу, неся в руках дымящуюся чашку.

– Я уже изучила, Марина Львовна, – сказала она, ставя чашку на стол.

Старуха в инвалидном кресле, стоящем в тени акации, нервно повела плечами, накрытыми красным пледом, и промолчала, не повернув головы.

Женщина взяла из вазочки печенье и, надкусив, положила на стол. Стала смотреть в сад, подперев голову костлявой веснушчатой рукой. На вид ей можно было дать тридцать лет, можно и все сорок. Карие, с зеленоватыми крапинками глаза смотрели тускло; светлые волосы, собранные на затылке в тугой пучок, казалось, прикрывали глубокие залысины. Она постоянно вздрагивала, будто опасаясь чего-то.

– Андрей, кофе стынет, – неуверенно сказала женщина, повернув голову в сторону двери, ведущей с террасы в дом.

– Что он там делает? – глухо произнесла старуха.

– Бреется.

Женщина поднялась и, подойдя к краю террасы, оперлась на деревянную перегородку. Сразу перед домом располагался сливовый сад – деревца слабые, с большим количеством отмерших веток и лишайниками на стволах. Сад перерезала тропинка, ведущая к калитке. За калиткой стелилась пыльная дорога.

Старуха покосилась на женщину. У нее были маленькие, глубоко посаженные глаза. На щеки накинута красная сеточка капилляров. Она казалась грузной, даже толстой, но ноги в приспущенных вязаных чулках, торчащие из-под махрового халата, были тонкие и синеватые.

– Хоть бы сад в порядок привела, – кашлянув, заговорила старуха. – Перед людьми стыдно.

Плечи женщины дрогнули, но она промолчала.

– Ничего по дому не делаешь, все на Андрюшку спихнула.

– Мама.

Худощавый высокий мужчина с полотенцем на плече вышел на террасу. Он только что побрился, но кожа на лице не посвежела, осталась землистой.

Андрей присел к столу, взял чашку, сделал глоток. Поморщился.

– Возьми печенье.

Женщина вернулась к столу.

– Ты что, порезался?

Дотронулась до щеки Андрея.

– Пустяк, – тот отстранился. – Почему печенье в нашем магазине всегда краской пахнет?

– На рынке надо брать, – подала голос старуха.

Андрей допил кофе и поставил чашку на стол.

– Все, побежал.

Он исчез в доме и через пару минут вернулся, одетый в похожую на пальто светлую куртку, в левой руке – кожаный портфель.

– Возвращайся поскорей.

В глазах женщины промелькнула тоска.

Андрей кивнул и, спустившись по ступенькам с террасы, зашагал по тропе к калитке. Приподнявшись, женщина следила, как он, ссутулившись, прошел по дороге и исчез за поворотом.

Через некоторое время в воздухе раздался шум электрички, замер, потом раздался вновь.

– Все, поехал Андрюшка, – проговорила старуха и закашляла: в горле у нее захрипело и забулькало. Откашлявшись, вытерла рот подолом халата.

– Галя. Слышишь, Галя.

– Что? – встрепенулась женщина.

– В туалет...

Галя поднялась из-за стола, подошла к старухе и, взявшись за ручки на инвалидной коляске, принялась толкать ее к двери.

– Ну, Марина Львовна, помогайте же, помогайте. Крутите руками.

Старуха пыталась вертеть колеса, но руки плохо слушались ее.

Кое-как Галя завезла коляску в дом и закрыла двери. На террасе не осталось никого, а к двум надкусанным печеньям через деревянную пустыню стола стал подбираться отряд муравьев.

3. Марина

И Марина Львовна, и Галя были мне смутно знакомы. А этот Андрюшка, так похожий на меня, но без шрамов и ожогов на лице? Кто все эти люди, почему я вижу их?

Кусочек странной, чужой жизни высветился ненадолго передо мной, и эта жизнь мне не понравилась.

Марина пошевелилась, открыла глаза. На ее бровях, ресницах, волосах лежали снежинки. Мгновение смотрела на меня, словно не понимая, кто я такой и где она находится.

– Брр, холодно. Уже утро?

– Да, надо идти.

Марина закашляла – надрывно, со всхлипами.

Я смотал и спрятал веревку.

– По пути устроим привал, нагреем кипятку...

– А куда мы идем? – спросила Марина.

Этот вопрос удивил меня.

– Не знаю, – пожал плечами, снимая с веток автоматы. – Игроки об этом не задумываются.

– Мы уже не игроки.

Марина протянула мне куртку.

– Почему не игроки?

– Потому что «мы». Разве тебе доводилось видеть в Джунглях игроков, действующих заодно?

– Как твоя мозоль?

Марина улыбнулась.

– Вроде ничего...

Она повернула ступню так, чтоб я мог увидеть мозоль.

Так: автоматы, рюкзаки, одежда, веревка... Вроде все? Почему-то всегда грустно покидать убежище, даже такое ненадежное и холодное, как это дерево. Но что поделаешь: мы в Джунглях.

Я спустился на землю, помог Марине.

Белизна резала глаза. За ночь выросли сугробы. Ветви деревьев, еще не успевшие сбросить листья, стонали под навалившейся на них тяжестью.

На поляне лежало несколько трупов тварей. Это большая удача, новый козырь.

Я вытащил заточку и опустился на колени у ближайшего трупа.

– Что ты делаешь? – удивилась Марина. – Прекрати.

Я вспомнил, с каким отвращением она глядела, как я ел крысу на крыше Поезда.

– Без мяса нам не выжить.

– Прекрати.

– Не будешь ты – я буду, – отрезав перламутровый кусок, положил в рюкзак; по зеленой ткани расплылось багровое пятно. – Ведь я же не заставляю тебя...

Марина повела плечом, подкинув лямку автомата, и пошла вперед, проваливаясь в снег на каждом шагу. Я последовал за ней.

Железнодорожная насыпь за ночь превратилась в белый курган, но по шпалам идти гораздо легче, чем по лесу.

– Почему ты не ешь мяса?

Марина обернулась, поджидая, пока я догоню ее.

– Я не ем крыс и тварей, а мясо ем.

Я засмеялся.

– Что смешного?

– В Джунглях нет другого мяса.

– Ты плохо знаешь Джунгли.

Я умолк. Марина задумчиво смотрела на теряющуюся вдали дорогу.

– Еще километр – и устроим привал, – сказал я, увидев, что Марина опять захромала.

Снежинки кружились перед глазами, норовя проникнуть в нос, рот. Слева с треском сломалось и рухнуло дерево.

Снег повалил так густо, что я перестал видеть фигуру идущей впереди Марины. Эта непогода нам на руку.

– Марина, привал.

Девушка вынырнула из белой пелены; на лице, разгоревшемся от ходьбы, таяли снежинки.

– Ура!

– Ты могла бы сказать, что хочешь передохнуть.

– Да ладно.

Мы спустились с насыпи и вошли в лес. Уходить далеко от дороги опасно, можно заплутать или наткнуться на стрелков. У ближайшего поваленного дерева я остановился, положил на снег рюкзак.

Марина села на комель, принялась расшнуровывать ботинок.

Разводить костер в лесу – дело рискованное, но после ночи, проведенной на дереве, нам необходим кипяток. Густой снегопад скроет дым.

Я чиркнул зажигалкой. Сырые листья – не бог весть какая растопка, от них больше дыма, чем огня.

С третьей попытки ветки все-таки занялись – костер запылал.

Заточкой я отковырял со ствола березы несколько наростов мутного льда. Но в чем его растопить? Свой котелок я потерял еще до посадки на Последний Поезд.

– Андрей.

Я оглянулся – девушка забинтовала ногу какой-то тряпицей и уже натягивала ботинок. Улыбаясь, она постучала себя по голове; звук получился гулкий, как от колокола.

– Ты чего?

И тут же понял, что она имела в виду.

Снял шлем, сорвал с него ткань, – черт возьми, отличный котелок.

Лед зашипел, подернулся облачками пара. Скоро обзаведемся кипятком. К этому времени неплохо бы и пожевать приготовить.

Я срезал толстую ветку, сделал ловец. Вынул мясо – парной запах защекотал ноздри.

Марина, поглядывая на меня, достала из своего рюкзака пакет с желтоватым порошком.

– Концентрат.

– Погоди, вскипит вода, разведешь.

От запаха жарящегося мяса у меня закружилась голова – чертову прорву времени ничего не ел. Котелок забурлил, я снял его и протянул Марине. Спеша и обжигаясь, она сделала несколько глотков.

Мясо дошло, и я накинулся на него, отрывая зубами большие куски. Хоть бы кто не прилез на запах...

– Можно... мне... – вдруг сказала Марина.

Я взглянул на нее, вспомнив, что ничего не ела с Последнего Поезда.

– Держи.

Отрезал половину, протянул ей.

– Это много.

Я промолчал: конечно, много.

– Не люблю концентрат, – призналась Марина, вытирая рукавом залоснившийся подбородок.

Ну, еще бы.

Шлем-котелок почти опустел, Марина выплеснула мутные остатки на костер.

– Идти сможешь?

Она кивнула.

Снег прекратился. Лес, нахлобучивши мягкие шапки, держал в объятиях уходящую вдалеку железнодорожную насыпь. Идти будет не просто.

– Какая красота, – сказала девушка.

Показалось солнце. Волосы Марины вспыхнули. Что-то шевельнулось во мне, прямо как на крыше Последнего Поезда, когда я не смог скинуть раненого игрока. Липкий, неотвязчивый страх за Теплую Птицу исчез.

Мне захотелось что-то сказать девушке – но что? Джунгли замерли в ожидании.

Марина смотрела на меня.

Образ другой женщины – Гали из недавнего всполоха – внезапно возник перед глазами; Галя сказала: ты игрок, Андрюша. Страх перед смертью вновь овладел мной: кругом были Джунгли.

– Найти бы до вечера КТСМ – на дереве ночевать неохота, – пробормотал я.

Марина кивнула.

На каменных стенах – рисунки. В углу – уродливый металлический прибор в переплетении разноцветных проводов, заржавленный и мертвый. Крыши нет. Двери – тоже.

Марина положила на земляной пол рюкзак, автомат. Принялась рассматривать рисунки.

– Что там?

– Посмотри.

Я приблизился. Это было изображение трахающихся мужчины и женщины: мне уже приходилось видеть подобное.

– Схожу за дровами, – хмыкнул я.

Принес сушняка.

– Интересно, для чего бывшим служили эти будки? Не для нас же их строили?

Марина подняла голову.

– Эта будка измеряла скорость поезда.

– Вот как. Откуда ты знаешь?

Она принялась ломать об коленку, плотно стянутую тканью цвета хаки, сухие ветки, складывать на заготовленное место посреди помещения.

– Просто знаю...

– Просто знаешь?

– Ну, прочитала.

Марина улыбнулась моему удивлению.

– Ты умеешь читать?

– Да.

Мне стало не по себе: я-то думал, что единственный в Джунглях умею читать... Совсем немного – надписи на стенах, ржавые таблички, но все же...

А Марина... Я ведь совсем не знаю, кто она.

– Все бывшие умели читать, – нахмурив лоб, проговорила девушка. – Они не всегда думали о еде и о том, как выжить. Очень часто бывшие задумывались о том, как устроен мир, о том, как сделать жизнь лучше. О справедливости и коварстве, о дружбе, предательстве, – она на мгновение замерла, – о любви и счастье.

– О чем?

– О любви и счастье.

– Но что это?

Марина улыбнулась.

– Ты думаешь – я знаю? На этот вопрос даже бывшим ответить не удалось...

Мы замолчали. Джунгли отступили – стало легче дышать. Кто бы ни была эта странная девушка с зеленоватыми глазами, я внимал ей, верил ей.

– Надо костер разжечь, – встрепелась Марина и чиркнула зажигалкой.

Пока Марина возилась с костром, я сходил в Джунгли, принес охапку терна.

Загородил колючкой вход: так спокойнее.

Повернулся к Марине. Костер уже пылал, сноп дыма пополз вверх.

– Андрей, что у тебя на щеке?

Я провел рукой – кровь.

– Пустяк, царапина.

Скоро в будке потеплело. Подтаял снег на полу. Сполохи заплясали на стенах.

Марина задумчиво смотрела на огонь, слегка откинув голову. Не хотелось ни есть, ни разговаривать – на душе было покойно, как никогда в Русских Джунглях. Но Джунгли – на то и Джунгли, чтобы напоминать о себе.

Снаружи затаивали и завизжали твари, а потом раздался вопль... Какой-то игрок вовремя не нашел убежища. Что ж, дело обыкновенное.

– Сиди, – приказал я и, подкравшись к загороди, выглянул наружу. Две твари хватали за руки и за ноги высокого тощего игрока. Тот кричал, кое-как отбивался. Мой локоть ткнулся во что-то мягкое – я оглянулся.

– Я же сказал тебе.

– Отстань.

Ничего себе!

Она выглянула наружу:

– Надо спасти его.

– Не неси чушь – спасем, а самих сожрут.

Игрок, видно, только сейчас разглядел в снежном мареве КТСМ. Он рванулся, оставив в пасти у твари кусочек себя, и помчался на нас. Твари – за ним.

Игрок принялся раскидывать заграждение. Ну, это уже ни в какие ворота!

Я поднял автомат.

– Не смей, – Марина схватила меня за руку.

– Ты не видишь, что он делает?

– Не смей! Если выстрелишь – я уйду.

Уйдешь?

Я выругался и, отбросив автомат, втянул часть колючек в будку. Когда его культя дотронулась до моей руки, я ухватился за нее и помог игроку влезть в убежище.

В отверстие сунулась было тварь.

Марина дала короткую очередь из автомата. Туша осела на снег и завалилась на бок.

Игрок лежал на полу, булькая горлом, точно кто – то перевернул вверх дном бутылку воды. Левая кисть откушена, на правой нет пальца, глаза закрыты. Похоже, он проиграл. И стоило сотрясать воздух?

– Андрей, помоги.

Я помог Марине подвинуть игрока поближе к огню, ухмыльнулся:

– Смотри, чтоб не сгорел.

Ожгла взглядом:

– А если бы ты был на его месте?

Если бы? Что значит – если бы? У меня свое место, здесь, у костра, рядом с тобой.

Снаружи завизжали твари. Я вскочил, забил терном отверстие. Снова у нашего убежища – свежий труп и пиршество тварей...

Я подкинул в костер сушняку – призрачный хоровод на стенах закружился веселее.

Спасенный нами игрок притих. А вдруг, оклемается?

На лице Марины дрожали отблески огня; оно казалось бронзовым. Стало жарко, я снял куртку.

Марина откинула со лба волосы, глянула на меня и вдруг заговорила:

*– Предчувствую тебя. Года проходят мимо-
Все в облике одном предчувствую тебя.
Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскую и любя.
Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик ты.
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.
О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!
Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик ты.¹*

– Что это? – проговорил я.

– Бывшие называли это «поэзия», – ответила Марина и начала укладываться спать.

Игрок зашевелился. Я поднялся, подошел к нему:

– Оклемался?

Стало не по себе: по испещренному шрамами лицу одна за другой скатывались слезы. Я никогда не видел в Джунглях, как кто-то плачет.

Игрок произнес довольно отчетливо:

– Вспомнил.

И вскрикнул – тело его выгнулось дугой, задрожало. Бедняга вытянулся на полу во весь рост и затих.

Я повернулся к Марине. Боль, бьющая из зеленых глаз, ожгла меня.

– Мы похороним его, – сказала она.

– Как это?

– Закопаем в землю. Так поступали бывшие.

– Как скажешь, – я зевнул.

¹ Александр Блок

4. Female

Электричка отползла от платформы, перестукивая колесами. Заспанный голос объявил следующую остановку.

Людей в вагоне мало – пока что крупных станций не попадалось. Несмотря на рань, много окон было открыто. В них врывался аромат сирени.

Андрей сел на изрезанное ножом коричневое сиденье и стал смотреть в окно. Мелькали дачи. Кое – где виднелись дачники, поднявшиеся ни свет ни заря.

Грохоча, электричка пробежала мост, под которым синела река. Над водой клубился туман.

Андрей подумал о Гале. Почему она преследуют его, не дает покоя даже в электричке? Он тряхнул головой, пытаясь избавиться от образа печальной женщины, безропотно переносящей издевательства матери Андрея, женщины, которая любит его, но которую не любит он сам. Образ не исчезал, а наоборот, расширялся, заполняя собой окружающее пространство; совесть мучила Андрея.

В вагон вошла пожилая пара – мужчина и женщина. На груди у мужчины – гармонь.

– Уважаемые пассажиры, – обратился гармонист к пустоте. – Позвольте в дорожку исполнить хорошую песню.

Он заиграл. Женщина запела что-то о любви, которая наступает внезапно и никогда не проходит.

И так дружно и ладно у них получилось, что Андрею захотелось подпевать. Вот у кого, должно быть, в жизни гармония, ни ссор, ни обид, – у этих вагонных певцов. Он достал из кармана кошелек и, когда певцы проходили мимо, протянул десятку.

– Благодарствую, – пропыхтел гармонист, принимая бумажку красноватой рукой.

Так как вагон был последний, пара присела передохнуть как раз за спиной Андрея.

– Что там считать – поезд пустой, – сразу послышался голос мужика.

– Доставай, я тебе говорю.

– Пошла ты.

– Ах ты паразит, алкаш.

– Заткись!

Последнюю фразу гармонист сказал с такой злобой, что женщина умолкла.

Андрею стало грустно, а вместе с тем он испытал нечто похожее на удовлетворение: у всех, – у всех в этом, мать его, мире, – есть червоточина.

Электричка добралась до большой станции. Вагон заполнился работягами, дачниками, студентами, стало тесно, весело и шумно. Гармонист с женой поднялись и снова исполнили свою песню.

В окна полетела пыль: слева от железной дороги горбатилась многотонными грузовиками федеральная трасса. Сидящий напротив Андрея студент давил на кнопки мобильного. Трое пожилых дачников сначала говорили о посадке огурцов, затем переключились на политику.

Вот и Малоярославец. Сейчас должна появиться она...

Вошла. Андрей махнул рукой: место свободно!

На вид лет двадцать пять, не больше. Широковатые скулы, вздернутый нос, напмаженные пухлые губы. Анюта...

– Ну что, сбежал? – спросила она, присаживаясь рядом с Андреем. Сумочку из фальшивой крокодильей кожи поставила на закованные в джинсу колени.

– Сбежал, Анюта, – шепнул Андрей, косясь на студента.

– Когда ты, наконец, разведешься со своей?

Андрей вздрогнул, взглянул на Анюту: тише, ведь люди. Он представил на мгновение, как говорит Гале о разводе, и у него заныло под ложечкой.

Анюта повела загорелым плечом. На ней была розовая майка с надписью «FEMALE». Вытащив из сумочки зеркало, стала поправлять растрепавшиеся осветленные волосы.

Солнце кольнуло глаза. Андрей надел темные очки, и стал похож в своей, не по погоде надетой, куртке со стоячим воротником на шпиона из старого кинофильма.

– Выйдем, покурим? – предложила Аня.

Андрей кивнул и поднялся.

– Скажите, что занято, – негромко попросил одного из дачников.

В пустом тамбуре Андрей достал сигарету, почему-то стараясь не смотреть на Анюту.

Та курила, выпуская дым из сложенных розой губ. Кончик фильтра тонкой сигареты испачкался в красной помаде.

Докурив, Аня кинула окурок на пол и вдруг полезла целоваться.

– Постой Аня, – испугался Андрей.

– Почему?

– Тут люди...

Аня хихикнула и, дернув Андрея за рукав куртки, увлекла за собой. Они очутились в сортире. Было тесно, воняло мочой и блевотиной. Андрей слабо протестовал, но жадные руки уже проникли под ремень брюк. Портфель со стуком упал на пол. Андрею показалось – все это происходит на глазах у толпы, вот сейчас дверь сортира откроется... Между тем горячая волна подхватила его на гребень. Он видел перед собой освобожденные из – под майки груди с коричневыми сосками – левая, кажется, немного больше правой, и на мгновение весь мир сужился для него до размера этих грудей.

– Андрюша, мне нужны деньги.

Аня натянула джинсы и, глядя в замызганное сортирное зеркало, стала прихорашиваться.

– Сколько?

Андрей поднял с пола портфель и посмотрел на нее. В тусклом свете засиженного мухами электрического плафона Аня показалась ему отталкивающе – некрасивой: крошечные глаза, неестественно-красный рот, волосы словно из папье-маше.

«Ярмарочная кукла», – подумал он.

– Десять тысяч...

– Хорошо, я подумаю.

– Десять тысяч долларов.

В дверь забарабанили и старушечий голос прогнусавил:

– Эй, долго там?

Андрею захотелось спрятаться в ржавом унитазе.

– Не суетись, – прошипела Аня и крикнула, – Баба, не лезь, у меня диарея!

– Чего?

– Иди ты.

Старуха, видимо напуганная непонятым словом, ушла. Стукнули раздвижные двери.

Любовники вывалились в тамбур. Смолящий сигарету работяга ухмыльнулся, но промолчал.

В вагон Аня и Андрей решили не соваться: до Обнинска оставались считанные минуты.

5. Калуга

Угли подернулись пеплом и лениво мерцали в темноте. Я знал наверняка, что там, за темнотой, опустив голову на рюкзак, спит Марина, но отчего-то казалось: я один в центре огромного мира, скрытого черной пеленой. Спать больше не мог: невыносимо видеть Андрея, Анюту, их возню в сортире... Какое отношение все это имеет ко мне?

Вдруг что-то, выпившее свет углей, понеслось к моему лицу из темноты.

Я едва успел отстраниться и перехватить руку с заточкой.

Вскрикнула Марина.

Преодолев слабое сопротивление напавшего, повалил на пол и, свободной рукой выхватив из ножен заточку, вонзил во что-то мягкое.

– Марина, как ты?

– Все н-нормально.

– Нужен свет.

Чиркнула зажигалка, вспыхнул хворост.

Игрок лежал навзничь. Из раны на груди текла темная кровь. Теперь он и вправду был мертв. Мертв, как бревно. Рядом валялась заточка, которую этот хмырь, должно быть, прятал в сапоге.

– Ну что, похороним его? Может, еще всплачем по нему?

Марина выглядела растерянной. Еще бы – любитель поэзии бывших вдруг пытается убить своих спасителей...

– Это не он, это Джунгли, – сказала она слабым голосом. – Не всем хватает силы...

Наверное, мое лицо приобрело весьма неприятное выражение, потому что Марине явно стало не по себе.

– Андрей, если тебе трудно...

Что-то екнуло у меня в груди, словно рычажок переключился. Что со мной сделала эта рыжая?

– Ладно, закопаю эту падаль, – сказал я. – Если ты так этого хочешь.

Лучи наискось пробили будку. Марина поправила волосы – они вспыхнули, и мне показалось, что на голове у девушки надета корона. Почему-то вспомнилась Аня из всполоха – ее нарисованные глаза и губы, жидкие волосы.

Марина улыбнулась, перехватив мой взгляд.

Я раскидал заграждение. Снег, добавившийся ночью, ровно укрыл следы вчерашних страстей.

– Ну что, пошли?

Я подвинул к Марине свой рюкзак и автомат, а сам взвалил на плечи мертвого игрока. Тяжелый, гад. Любитель поэзии.

Согнувшись, побрел к лесу, не задумываясь о том, что делаю и зачем. Увидел бы меня тот «я», что ждал на поляне Последний Поезд!

Виновница моего «преображения» ковыляла позади, таща два рюкзака и два автомата. Ничего, пусть поработает, пока я исполняю ее блажь.

Найдя ложбинку, с силой швырнул туда труп – эта затея мне нравилась все меньше. Голова игрока ударилась о торчащую из-под снега корягу. Пока я стрелковой лопаткой ковырял подмороженную землю, Марина зачем-то протирала игроку снегом лицо.

– Можно подумать, что ты его знала.

– Я и тебя не знала.

Я хмыкнул: сравнила тоже, одно дело – я, совсем другое – какой-то игрок.

– Этот гад убить меня хотел. А потом и тебя.

– Не он, а Джунгли.

Я заткнулся: ее не переспоришь.

Яма получилась неглубокой.

Игрок таращился из нее остекленевшими глазами. Я поспешил забросать землей его голову, а затем – лопата за лопатой – все остальное.

Джунгли шумели. Еще бы – ведь они никогда не видали ничего подобного...

Утирая пот со лба, я подошел к Марине.

– Что ты делаешь?

Она возилась с короткой бечевкой и двумя неравными палками. Не ответила, быстро сделала узел, стянула зубами – получился крест. Подойдя к могиле, Марина воткнула его в землю.

– Так делали бывшие.

– Ясно.

Вскинув на спину рюкзак, повесив на плечо автомат, я приготовился продолжать путь.

Марина стояла у могилы.

– Ну, чего ты?

Она едва заметно вздрогнула и, дотронувшись до креста, сказала:

– Спи спокойно, человек.

Джунгли снова зашумели, заколыхались.

Мы вышли из лесу, вскарабкались на насыпь. Глядя, как передо мной стелется железная дорога, я подумал: если умру, – мне хотелось бы, чтобы с моим телом кто-то поступил так же, как мы с мертвым игроком.

Насыпь понемногу истончилась, и скоро рельсы побежали по земле, лишь слегка присыпанной гравием.

– Сегодня ночью ты разговаривал во сне, – сказала Марина, тяжело дыша от ходьбы, – Звал какую-то Анюту. Кто это?

– Анюта? Никто.

Мне стало не по себе. Надо же, и не догадывался, что разговариваю во сне.

– Она – игрок?

Где-то в высоте запел ветер.

– Чего молчишь, Андрей?

– Анюта – это всполох, – признался я.

– А, понятно, – протянула девушка и замолчала. Я не ожидал, что она так легко отстанет – почему-то стало досадно.

Когда за поворотом железной дороги перед нами возник занесенный снегом город, уютно разлегшийся на дне широкой долины, дыхание у меня перехватило.

– Калуга, – сказала Марина, вытирая рукавом вспотевшее лицо.

Отсюда, с возвышенности, город казался пирогом, разрезанным на две части широкой рекой. Виднелись припорошенные снегом развалины домов, большие ямы с зеленой водой, поставленные на дыбы машины.

– Пошли, – бросила Марина, поправляя на плече лямку автомата. – Может, к ночи дойдем.

Она двинулась вперед, стуча подметками по шпалам. Я остался на месте: город внушил мне, нет, не страх, а некоторую нерешительность. Чем-то грозным веяло из долины.

– Ты идешь?

Я догнал девушку.

– Слушай, может, нам не стоит туда соваться?

– Почему? Ночлега нам не найти, а спать на дереве ну совсем неохота.
Марина улыбнулась, сверкнув мокрыми зубами.
Глядя на нее, я решил: Калуга так Калуга.

Мы вошли в город, когда сумерки вонзили в воздух морозную хрусткость. На улицах ни души. Пустые глазницы окон.

– Красивый, наверное, был город, – сказала Марина. – Посмотри, какое интересное здание.

Я взглянул на каменных ангелов, целящихся в нас из луков. Огляделся настороженно.

– Э-ге-гей!

– Что ты творишь? – накинулся я на девушку.

– Да не бойся, – беззаботно отозвалась она. – Здесь никого нет. Ого, посмотри, троллейбус!

Марина исчезла в разинутой гармошке дверей, и через секунду из чрева машины послышался ее испуганный вскрик. Сдернув с плеча автомат, я поспешил к ней.

Марина, бледная, стояла посреди салона. Прямо перед ней, оскалив золотые зубы, сидел одетый в кожаную куртку скелет.

Еще с десятков пассажиров мертво таращились на нас из глубины салона.

Я выругался, опуская автомат.

– Извини, Андрей.

– Марина, к чему эта глупость?

– Я же сказала, извини.

Она прошлась по троллейбусу, держась за поручень. Приблизилась к одному из пассажиров:

– Ваш билет?

Скелет щелкнул зубами и предпочел ехать зайцем. Марина засмеялась. Я не выдержал и улыбнулся.

– Андрей, не хочешь одолжить вон у того кожанку?

– Мне своя куртка нравится.

– Я думаю, тебе бы подошла кожа. Ты был бы похож на комиссара.

– На кого?

– Потом расскажу.

Мы вышли из троллейбуса.

Б-rrr! Холодно-то как. Лед, кругом лед. А на небе – звезды, эти странные, маленькие огоньки.

Марина больше не веселилась, задумалась и погрузилась.

Чутьем, вероятно, оставшимся во мне от бывших, я понял причину этой перемены. Там, в троллейбусе, среди прочих пассажиров, ехал в никуда скелет ребенка, и девушка, должно быть, представила ту силу, что смела и этого ребенка, и троллейбус, и людей в нем, и этот город, и еще тысячи городов. Но – что поделать, никто не виноват...

Среди развалин дул колючий ветер, какого не бывает в Джунглях.

Мы вышли на площадь. Здесь возвышался каменный человек с лысиной и бородкой. Он протянул к нам руку, словно просил чего-то.

– Ленин, – едва слышно сказала Марина.

– Что?

– Это памятник Ленину. Был такой человек.

– Но зачем памятник?

– Я тебе расскажу... потом, – Марина поежилась. – Давай найдем ночлег, мне холодно.

Ленин смотрел на полуразрушенный дом из красного кирпича с множеством окон. Над широким проемом входа – позеленевшая табличка.

– «Администрация города Калуги», – прочла Марина.

Мы вошли.

Мне не приходилось бывать в таких местах, и я замер в изумлении.

Просторный зал распадался на несколько коридоров. С высоченного, украшенного лепниной, потолка, свешивались спутанные провода. Наверх вела широкая каменная лестница, укрытая полуистлевшим ковром.

По ковру пробежала крыса.

Мы поднялись по лестнице до самого верха. Здесь тоже бесконечная паутина коридоров.

– Андрей, давай сюда.

И правда, отличная комната для ночлега! Письменный стол, черный и трухлявый, – это дрова. Из стен торчат разноцветные провода, под потолком – разбитая люстра.

За столом на вертящемся кресле сидел хозяин кабинета, брат-близнец пассажиров троллейбуса.

– Вы по какому вопросу?

Это сказала Марина. Засмеялась.

– Наверное, среди бывших он был большим начальником, – она кивнула в сторону скелета, положив на пол рюкзак.

Я подошел к окну. Над площадью кружился снег, несколько острых снежинок впились в щеки. Каменный человек насмешливо смотрел на меня.

Марина распаковала концентрат и, поморщившись, съела щепотку.

– погоди, я сейчас поймаю крысу.

– Не надо, – испугалась она.

Ясно – пока не готова. Но рано или поздно придется заставить себя есть все, что посылают Джунгли.

Я не настаивал, тем более, что сильно устал и гоняться за крысами мне не хотелось. Но без костра нам будет тяжело – подмораживает. Подойдя к скелету, я отодвинул его в сторону вместе со стулом. Скелет застучал костями и уронил голову, сердито клацнув челюстями.

Разломать трухлявый стол не составило труда, а вот соорудить костер из его обломков оказалось сложнее.

Клубы сизого дыма устремлялись к потолку, зависали, словно в раздумье, нехотя подтягивались к окну и исчезали где-то за крышей.

Наконец, вспыхнул огонь.

Я сел у костра, и, как и прошлой ночью, стал смотреть на склоненное красивое лицо Марины. Красивое? Никогда не употреблял это слово. Какая, к черту, в Джунглях красота? А вот Марина восхищалась заснеженным лесом... Выходит, красота была и есть, но я не видел ее – *не умел видеть?*

– Марина?

Девушка подняла голову – она заматывала тряпицей ногу.

– Расскажи о Ленине.

– Интересно? – засмеялась. – погоди, закончу...

– Как мозоль?

– Намного лучше.

Она обулась, протянула ноги к огню.

– В книгах бывших не только про Ленина написано. Оказывается, у них было много разных героев, плохих или хороших... Ленин, кстати, скорее плохой, – я так поняла.

– Почему же его вырезали из камня?

– Не знаю, – Марина кашлянула.– Книг бывших осталось мало, да и то они все повреждены огнем и водой. Ты будешь слушать, не перебивая?

– Буду. Рассказывай.

И она рассказала. Но не о Ленине. Замерев, я слушал, что когда-то на месте Джунглей была страна под названием *Россия*, в которой жили и трудились люди. Им было горько и радостно, холодно и тепло, они голодали и были сыты, воевали и мирились, занимались науками, литературой, искусством, сеяли хлеб и летали к звездам. Не знаю, так ли хорошо рассказывала Марина, или что-то от бывших осталось во мне, но я вдруг увидел Россию – увидел ее всю – величественную, холодную. Ее города, села, ее леса, озера и реки, ее фабрики и заводы. Ее *народ*.

Не дослушав до конца, я вскочил и подошел к окну. Марина умолкла. Снежные вихри носились над площадью, внизу хлопала сорванная с петель дверь.

– Андрей?

Я скрипнул зубами.

– Когда я узнала, мне тоже было тяжело...

Украдкой стерши рукавом влажную полоску, появившуюся на щеке, я прилег у костра лицом к стене.

6. Полет над джунглями

Я проснулся в полутьме.

Замер, прислушиваясь. Ровное дыхание Марины, как шелест травы...

Ага, вот опять! Похоже на стон.

Что это?

Нашупав автомат, я поднялся. Осколок штукатурки пискнул под ногой. Марина пошевелилась, задышала чаще.

Ночь и погасший костер, а в комнате почти светло: луна. У окна намело сугроб.

Осторожно ступая, я обогнул Марину и вышел в коридор.

Снова этот звук. Прямо из соседнего кабинета...

Подняв автомат, я двинулся по тухлявому ковру.

Заглянув в дверной проем, увидел кучу пепла посреди комнаты, окно, сугроб, а слева, в углу, – что-то длинное, черное, похожее на сверток. Сверток пошевелился. Держа автомат наизготовку, я приблизился.

На полу лежала старуха: седые космы разметались вокруг головы, глаза ввалились, кожа высохла.

Рот, напоминающий пещеру, дрогнул, искривился; за хрипами и стонами я расслышал:

– Пить.

Этот игрок проиграл. Ему не уберечь свою Теплую Птицу. Приученный за последние дни к состраданию, я опустил автомат и вытащил из ножен заточку, собираясь прекратить муки старухи.

– Только попробуй.

Я обернулся: Марина. В глазах – зеленые огоньки. Она подошла вплотную, и вдруг, коротко размахнувшись, ударила меня по щеке. Я перехватил руку, до хруста сжал: зверь взвился на дыбы. Марина не поморщилась, спокойно и твердо глядя на меня. Из ее глаз исходила сила, – и испуганный зверь спрятался в Джунглях. Я отпустил ее руку.

– Скотина, – негромко сказала девушка, растирая запястье.

Присела на корточки перед старухой, погладила седые волосы.

– Пи-ить.

– Я хотел прикончить ее, чтоб не мучилась, – пробормотал я: щека горела.

– Принеси воды.

Вернувшись в кабинет, я развел костер и стал растапливать снег. Мне было досадно, что причинил Марине боль и, вместе с тем, почему-то приятно. Казалось: минуту назад я что-то доказал ей, хотя что именно, не знал.

Вода в шлеме-котелке забурлила.

Марина все так же сидела над старухой, поглаживала похожую на корень старого дерева руку:

– Не надо бояться – это совсем не больно, – шептала девушка. – Глаза закроются – и все. Старуха, похоже, слушала, приоткрыв белесые глаза.

– Принес воду?

Я подал шлем.

– Еще горячее не мог? Подай, что ли, снега.

Растворив свежий снег в кипятке, Марина принялась аккуратно смачивать рот старухи, та зашлепала губами.

– Пей, мама, пей.

Мама?

Марина поила старуху, придерживая ее голову рукой.

«Опять заставит хоронить», – пришло в голову, но раздражения я не почувствовал. Ну, заставит, да, она такая...

Тем временем со старухой начало происходить то, что должно: Теплая Птица оставляла ее. Дыхание участилось, руки-ноги мелко дрожали.

Едва прикрытая тряпьем, грудь старухи поднялась и стала медленно опускаться. Из открытого рта шумно и долго выходил воздух, казалось, что сейчас она вздохнет и поднимется, но, сделав несколько судорожных движений, старуха замерла.

Марина поднялась. Я подумал – сейчас заговорит о похоронах, но девушка молчала, глядя перед собой.

– Андрей, еще раз позволишь себе подобное, – произнесла она, так и не взглянув на меня, – я уйду.

И снова мне стало не по себе:

– Я не хотел хватать тебя за руку...

– Да я не о том, – отмахнулась Марина, – Кто дал тебе право распоряжаться чужими жизнями?

– Но...

– Не надо! Я думаю, ты все понял. Пошли.

Она подхватила котелок, выплеснула на пол остатки воды и вышла из кабинета. Я последовал за ней.

Старуха осталась одна в темноте.

Пока мы отсутствовали, в мой рюкзак забралась крыса, изловчившись, я поймал ее за хвост. Зверек завертелся, щекоча задубелую руку острыми зубками.

– Прекрати, – поморщилась Марина, застегивая куртку.

Я ухмыльнулся, отшвырнул запищавшую крысу.

И тут же на улице застрекотал вертолет. В окно ворвался слепящий свет и крики:

– Рассредоточились!

– Трое сюда, трое туда!

Стрелки. Зачистка!

Я схватил Марину за руку.

– Тише.

– Барух, Семен! – заорал грубый голос так близко, что сердце у меня заныло. – Вы че, уснули там, б... дь?

По лестнице застучали ботинки.

– Рассредоточились, мать вашу!

Похоже, мы влипли по-настоящему.

– К стене, – я оттолкнул побледневшую Марину. Она будто вжалась в камень, расширенными глазами глядя на меня.

Бросившись к двери, я встал за отворотом, держа наготове автомат. Тут же в кабинет ворвался стрелок. Я выстрелил: стрелок завалился вперед, головой в пепел нашего костра.

– Эй, они здесь, – завопил кто-то в коридоре. Секунда промедления – и мы погибли.

Согнувшись, я выскочил из-за двери. Раздался сухой перещелк выстрелов, резкая боль ожгла плечо. Позабыв про автомат, я с разбегу ударил стрелка ногой в грудь. Он отлетел к стене и, ударившись спиной, съехал на пол. Не теряя времени, прошил его пулями.

– Скорее, – заорал я, услышав шаги бегущих по лестнице стрелков. Марина выскочила из кабинета. Автомат в ее руках дрожал.

Мы бросились по темному коридору. Проклятая западня. Кабинеты выходили окнами на площадь.

Рой пуль разорвал ковер под ногами. Марина взвизгнула. Ранена? Я упал на пол и, повернувшись, выстрелил в ответ.

– Сюда.

Я на четвереньках добрался до ближайшего кабинета. Марина ввалилась следом – вроде цела. Кинувшись к окну, я глянул вниз. По площади сновали стрелки, стаскивая в кучу трупы. Оказывается, в Калуге не так и мало было народу.

Западня... В коридоре шаги, шепот – знают, суки, что мы теперь никуда не денемся.

– Сколько там? – голос снизу, хриплый, властный.

– Двое, конунг, – отозвался кто-то, находящийся в коридоре рядом с нами. – Мужик и баба.

– Бабу постарайтесь живьем взять. Позабавимся.

Каменный Ленин, улыбаясь, указывал рукою на крышу. Я лег спиной на подоконник и посмотрел вверх.

– Марина.

Она приблизилась; в глазах даже не страх и отчаяние, а равнодушие, готовность принять то, что приготовила для нас судьба.

– Марина, – крикнул я: захотелось вlepить ей пощечину, подобную той, что она вlepила мне. Девушка встрепенулась.

– Забирайся мне на плечи и цепляйся за карниз.

– Уходят, суки, – заорали с площади, когда Марина, дрожа, как новорожденный олененок, отпустила руки с моей шеи и перенесла их на скользкий карниз крыши.

– Подтягивайся, ну же.

Пули с жадным лязгом врезывались в камень рядом со мной, плечо горело.

Марина, вскрикнув от напряжения, исчезла за отворотом крыши. Я остался в кабинете один. Чтобы стрелки из коридора не вздумали сунуться, пальнул в дверной проем, забрался на подоконник, и, подпрыгнув, ухватился за карниз. Снизу строчили без перерыва, но в полутьме не могли как следует прицелиться. Отчаянная веселость овладела мною: попробуйте, падлы, съешьте. Подтянувшись, я перебросил ногу на крышу. Марина вцепилась в куртку и помогла мне.

Оглядевшись, я замер: меж кирпичных труб и переломанных антенн торчал жирный зад вертолета. Как он смог опуститься прямо на крышу?

– Ты ранен?

– Тихо, – я дернул Марину за рукав, увлекая за одну из труб.

Тут и она увидела вертолет и в ее глазах блеснула радость. С чего бы это?

Но времени на расспросы не было.

– Всего один, – пробормотал я, различив через стекло кабины затылок пилота. – Эх, отсюда не достать... Стой здесь.

Я двинулся вперед, не сводя глаз с затылка. Достигнув вертолета, подлез под пахнущее машинным маслом брюхо...

– Какого хуя.

Пилот поперхнулся – он жрал концентрат из банки. Расширившимися глазами уставился на меня. Это был толстяк с широким бледным лицом.

– Н – не стреляй, – просипел он, как замороженный глядя на дуло автомата.

Почему-то мне и вправду не хотелось убивать толстяка. В его глазах проскользнуло что-то... детское. А может, мне показалось – я ни разу не видел в Джунглях детей.

Марина снова меня не послушалась. Она подскочила к вертолету и, едва глянув на пилота, заорала:

– Выметайся.

Толстяк стал выкарабкиваться из машины, разбрасывая во все стороны концентрат. Он был одет в чудные штаны из какой-то мягкой материи – спереди расплылось темное пятно.

– Скорее, ты! – от нетерпения у Марины сорвался голос.

Толстяк все-таки покинул вертолет, уставился на меня расширенными глазами. Нижняя челюсть дрожит, к высунувшемуся кончику языка прилипли кусочки концентрата.

– Лечь, – приказал я: толстяк тут же опустился на смоляное покрытие крыши, бормоча:

– Не стреляй, не надо.

Марина юркнула на освободившееся место пилота. Что она задумала?

Над головой застрекотало. Я отпрыгнул в сторону, укрывшись за широким боком вертолета и лишь после этого поднял голову: другой вертолет, с синим брюхом, завис над нами. Автоматная очередь – как клцанье хищных зубов. На спине толстяка появилась линия из красных точек, почти сразу ставших расплывшимся пятном. Банка с концентратом покатила по крыше.

Пули звякнули по металлу, одна из них задела рюкзак у меня на спине. Тело толстяка вздрагивало, точно оживая.

– Андрей, залезай.

Это ж надо – я совсем забыл про Марину, пожалуй, впервые со дня Последнего Поезда.

– Что уставился? Скорее.

Я выпустил длинную очередь и, кувыркнувшись по крыше, влез внутрь машины.

– Что ты задумала?

– Тихо!

– Ты умеешь?

Она не ответила, отыскивая что-то на приборной панели. Наконец, надавив на какие-то кнопки, и дернув за обмотанный изолентой рычаг, Марина повернулась ко мне. Сказала:

– Держись.

Мне понравилось, как она это сказала.

Над головой загудело. Ожили лопасти – машина задрожала, передав свою дрожь мне. Неужели полетим?

Крыша осталась внизу. Я, не отрываясь, смотрел в выпуклое, как глаз твари, окно. Площадь с памятником Ленину. Прямо под памятником – гора трупов. Стрелки суетятся, стреляют в воздух.

Я и не заметил, как рассвело, – всего за какие-то десять-пятнадцать минут. Нас спасла темнота, выходит, цена Теплой Птицы и есть эти самые десять-пятнадцать минут.

Занесенные снегом полуразрушенные дома, заводы, домишки и заводики Калуги сливались внизу в чистый лист.

Я схватился за поручень. Страшно... и весело.

Вертолет с синим брюхом заходил то с одной стороны, то с другой, то зависал сверху. Высунувшийся из кабины стрелок жарил из автомата.

Марина, вцепившись в рычаг управления, смотрела перед собой. Когда начиналась пальба, ругалась сквозь зубы.

Было заметно, что ей нелегко управлять этой машиной. От напряжения на шее вздулась синяя жилка. Я по мере сил старался утихомирить стрелка.

Когда синегрудый вертолет зашел сбоку и стрелок оказался, как на ладони, мой автомат чихнул и замер. Пока я – зубами, до боли, – развязывал рюкзак, менял обойму (патронов в нем

осталось с гулькиным нос), в выпуклом окне показался лес и – сердце мое радостно забилося – разрезающая его светлой нитью железная дорога. Вдруг оторвемся?

Преследователи подбирались все ближе. Стрелок палил без передышки, пытаюсь попасть в Марину.

Пилот, должно быть, такой же толстяк в желтой фуражке, как оставшийся на крыше Калужской городской администрации, качнул машину в нашу сторону; два вертолета едва не столкнулись. Стрелок заорал на него, и преследователи исчезли в беременных снегом облаках.

– Отстали, – выдохнул я.

Рано радовался. Синебрюхая вертушка появилась из облаков, блестя винтом на солнце. Я отчетливо увидел стрелка – кажется, даже разглядел черные волоски в горбатом носу.

– Подымай, – крикнул стрелок, разбазарив обойму.

Я выстрелил, надеясь, что попаду в затемненное пространство внутри вертушки, – туда, где, по моим прикидкам, должен находиться пилот. Находился он там и по прикидкам судьбы. Короткий крик известил, что я не промахнулся.

– Молодец! – крикнула Марина.

Я высунулся наружу. Холодный ветер схватил за горло. Вертолет стрелков будто висел над железнодорожной насыпью. Лопасти, главная и хвостовая, вращались с не уменьшающейся скоростью. Но вот он опустил нос, словно козленок, желающий бодаться, резко ушел в сторону и рухнул в стороне от полотна дороги, где вырос багрово-желтый столб, мгновенно затянутый черным дымом.

Все-таки оторвались!

Я вспомнил снующих по площади стрелков. Что, суки, съели? Скорее всего, мы единственные, кто выжил во время калужской зачистки.

Почему-то вспомнилась и старуха, как беспомощно она пила воду из рук Марины. Вовремя оставила землю: по рассказам, стрелки зачастую пытаются и истязают своих жертв...

Я посмотрел на спину Марины.

«Бабу живьем берите. Позабавимся!».

Так кричал командир стрелков. Едва ли Марина представляет, от чего нам удалось оторваться.

Над люком – красная лампочка, высвечивающая буквы: «Выход». Куда отсюда можно выйти? Разве только на облако...

По полу рассыпан концентрат, валяется окурочок самокрутки.

А это что?

Я поднял обложку от книги. «Библия» – истертые золотистые буквы. Что-то знакомое в этом странном названии. Кажется, это как-то связано с Галей, с утром на светлой террасе...

Задумавшись, я подобрал с пола окурочек, развернул тонкую обгорелую бумагу. Буквы хлынули мне в глаза.

«и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь.

И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаясь сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои.

И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих»².

Так вот значит, как *это* было! Я представил (или вспомнил?): багровый шар, поглотивший солнце, красные полосы на небе, словно росчерки гигантского пера. Дрожь под ногами или

² «Откровение святого Иоанна Богослова» (6; 12—14).

в ногах и, – особенно ярко, – медленно падающий, дрожащий от ветра осенний лист. Осенний лист в разгар лета...

Вертолет начал снижаться.

Из-за леса показался разрушенный городок – кучи битого кирпича, воронки, полные зеленой жидкости. Посреди городка – башня, похожая на гигантский стебель борщевика.

– Андрей?

– Да?

– Я не могу посадить его. Я... забыла!

В голосе Марины звенело отчаянье.

Несмотря на ее усилия, скорость машины не падала, и даже мне стало ясно: если попытаться сесть, нас размажет по земле. Ровная поверхность – это смерть, но...

– Поворачивай к лесу!

Марина потянула обмотанную синей лентой рукоятку. Вертолет взял влево. Лопасты, казалось, застыли на месте, но я знал, что они бешено вращаются.

Машина понеслась над макушками елей, поднимая белые вихри.

– Ты можешь хоть немного сбросить скорость? – заорал я.

Снежная пыль проникала в кабину, колола лицо, попадала в рот.

– Попробую!

– Ну?

– Я уже сбросила!

Совсем ничего не почувствовал.

– Сделай наклон и вылезай!

Марина кивнула, надавила на рукоятку. Скоро вертолет запашет носом...

Она покинула место пилота и, скрючившись рядом со мной, встала напротив шевелящейся снежной стены – бледная и решительная.

Многолетние кроны затрещали. Сила, сопротивляться которой было невозможно, выдернула меня из машины и швырнула на деревья. Я полетел вниз, пытаясь зацепиться за ветки, обдирая сучьями руки. Вслед устремился хвост с вращающимся винтом. Но я падал быстрее.

Земля ударила меня.

– Андрей, – сквозь муть я увидел Марину. Сел, встряхнул головой. В ушах гудело – я потрогал мочку, на пальцах осталась кровь.

– Как ты? – спросил, не узнав свой голос.

– Нормально. А ты?

Я отвернулся и сплюнул кровью на сугроб. Зачерпнул две горсточку сухого снега – одну растопил во рту и выплюнул, другой растер лицо. Как будто полегчало... Пришло понимание того, как дико, отчаянно нам повезло. Мы внизу, на земле, и мы живы.

Марина что-то долго говорила, но я лишь уловил:

– Ты можешь опереться на мое плечо, не думай – я сильная...

Я сидел, прислонившись спиной к дереву, и смотрел на Марину, которая ходила взад-вперед, что-то возбужденно говорила, доказывала. Она уже протоптала передо мной тропинку.

Шум в ушах и голове стал болью в висках.

– Спасибо, – пробормотал я, сам не зная, зачем.

Марина встрепелась:

– Тебе лучше, Андрей?

– Да... лучше. Все-таки я двужильный, – сказал я и поднялся. Кровь бросилась в голову, в глазах потемнело. Марина подскочила, не дав мне упасть, подставила плечо.

Выпятив серое брюхо, на мощных кронах повис вертолет. Снизу он казался маленьким, как теленок.

– Неужели мы оттуда на. бнулись? – пробормотал я.

– А ты и правда двужильный, – проговорила Марина, глядя вверх. – Но вот ухватиться за ветки ты не смог.

Преодолевая боль в висках, я засмеялся.

7. Обнинск

Мы побрели в направлении разрушенного города, увиденного с вертолета, в надежде найти там пристанище на ночь.

Один рюкзак и автоматы похерили, и теперь (учитывая мое состояние), в сущности, – беззащитны. Отвратительное ощущение.

Я опирался на плечо Марины, стараясь как можно меньше давить на него, но понимая при этом, что без поддержки просто-напросто рухну на снег. Мне нужна одна ночь покоя и тепла: тогда тело восстановится, сила вновь заструится по жилам. И, конечно, не помешало б чего-нибудь пожрать... Какие, однако, жирные крысы шныряли по коридорам Калужской городской администрации!

Город был дальше, чем нам показалось с вертолета. Первые груды битого кирпича, бывшие когда-то домами, появились только тогда, как на небе выткался серпик луны.

Зеленоватые лужи, глянцевого, с кусками звездного неба, источали удушливый гнилостный запах. Я встречал такие: все живое обходит их стороной. В лесу они редки, здесь же – на каждом шагу.

Этот городок мертвее Калуги... Кирпич, лужи, снег. Из-под снега торчит былье, лепится к невысоким деревьям кустарник. Жутко, пусто, мрачно... Неужели здесь когда-то жили люди?

А это – башня... Одна часть – большая, лежит на земле, другая – меньшая, протыкает небо обломком. Какой исполин переломил ее?

Как тревожно здесь! Тревожно и... знакомо.

Идти дальше незачем – скорее всего, все здания в городке разрушены, и надеяться на надежное кирпичное укрытие не приходится.

Между тем темнота сгустилась, – вот-вот вынырнет из черноты рука и схватит за горло...

Марина дышала тяжело. То ли ночной воздух, то ли чувство опасности прибавили мне сил – я уже не чувствовал себя разбитым. Распрямился, отпуская плечо девушки.

– Зачем ты? – сказала она, – я совсем не устала.

Я замер, вглядываясь в темноту. Нет, в этом городе надо держать ухо востро, гораздо дольше, чем где бы то ни было. Тишина лжива: здесь нет ни стрелков, ни игроков, ни тварей, но наверняка притаилось *что-то*, более страшное... Чтобы пережить эту ночь, нам необходимо убежище.

Я огляделся: тьма. Плотная, непроходимая тьма. Серпик луны скрылся в тучах, на ветру стучит обледенелое былье.

Что-то надвигалось на нас – ближе, ближе – я чувствовал кожей. А лицо Марины спокойно – это понятно: она не имеет такого, как у меня, опыта игры, единственная ставка в которой – Теплая Птица...

Металлическая узкая лесенка... Почему я подумал о металлической узкой лесенке? Откуда эта мысль в моей голове?

– Марина, – я дернул девушку за рукав, – за мной.

Мы побежали к башне.

– Андрей, что ты задумал?

Я не ответил, озираясь по сторонам. «Только б она существовала», – крутилось в голове.

Лесенка была припаяна к телу башни.

– Лезь.

Марина вцепилась в тонкие перекладки и полезла вверх, осторожно перебирая руками. Оглянувшись на тьму, я полез следом.

Нам повезло – на вершине башни образовалась небольшая площадка, частично огороженная острым забором из переломанной, искореженной арматуры.

Марина лежала лицом к небу и тяжело дышала. Я повалился рядом – казалось, сердце выпрыгнет из груди.

– Знаешь, Андрей, – выдохнула Марина, взглянув на меня. – Там, внизу, отчего-то стало так жутко... Я едва не умерла.

Нет, у этой девушки чувство опасности развито не меньше, чем у меня.

Ветер, застревая в металлических обломках, сердито насвистывал.

Редкие звезды показались на небе. Не они ли льют вниз пробирающий до костей холод? Деться от него некуда, он окружил нас, опутал... Сейчас бы костерок! И черт с тем, что станем маяком – лишь бы потеплело. Вот только где взять дрова?

Единственное тепло в окружившем нас мире – это наши тела.

Марина придвинулась ко мне, я обнял ее, уткнувшись лицом в рыжие волосы, накрылся курткой. Мало-помалу озноб отступил... А сколько, наверно, погибнет в эту ночь игроков, не успевших развести костер. Сколько примерзнет к стволам деревьев!

Я закрыл глаза, слушая биение сердца Марины.

– Андрей.

– А?

– Послушай.

Я откинул с головы куртку.

Какое-то время не было слышно ничего, кроме тишины, затем отчетливо донесся глухой перестук – кто-то лез по лестнице, стуча подошвами. Я оглянулся: глаза Марины расширились, лицо вытянулось.

– Тихо.

Я поднялся и, пригнувшись, подкрался к краю площадки. Стук подошв по перекладинам совпадал со стуком моего сердца. Кто это может быть? Игрок? Едва ли – все игроки, не нашедшие укрытия до этого времени, уже мертвы. Стрелок? Исключено – стрелки орудуют при свете дня. Тогда кто же?

– Андрей!

Встрепенувшись, я невольно вскрикнул: некто темный, приподнявшись над лестницей, уставился на меня двумя красноватыми угольками.

– Возьми, гад! – заорал я, вскакивая, и, что было сил, ударил кованым носком ботинка в промежуток между красными угольками.

Не издав ни звука, пришелец отпустил лестницу и, как мне показалось, необычайно медленно отделился от металлической стены башни. Я бросился к краю площадки и проводил взглядом темное кувыркающееся тело. Хрусткий звук удара о промерзлую землю донесся до нас.

– Кто это был? – прошептала Марина.

– Хер его знает. Уж точно не игрок.

– Что ему было надо?

Марина вдруг заплакала.

– Ты чего? – растерялся я.

– Когда все это кончится? – прокричала она. – Проклятая жизнь!

Чудачка! Как будто есть другая жизнь. Я, например, другой жизни не знал.

– Успокойся, – я присел на колени и обнял ее, погладил спутавшиеся волосы. – Я с тобой, я защищу тебя.

– Правда? – по-детски спросила она. – Повтори.

– Я защищу тебя.

Девушка прижалась ко мне, вздрагивая. И откуда ты такая взялась в Джунглях, где цена жизни – мгновение? Мгновение, которого не хватило, чтобы добежать до убежища? В Джунглях никогда и ни в чем нельзя быть уверенным. Ты думаешь: надежно спрятался, никто и ничто не угрожает, но вдруг настигает напасть, какой не ждешь, а это самое хреновое.

Марина устала: смерть старухи, стрелки, полет над Джунглями, моя травма. А тут еще ночной неожиданный посетитель...

– Вздремни, подежурю, – предложил я.

Мы сидели на холодном металле, слушая завывание ветра, дальний гул леса.

– Не хочу, – пробормотала она, опуская голову мне на колени. Сразу уснула.

Ныло задетое пулей плечо, да и во всем теле разливалась слабость. Но мне было покойно, даже, пожалуй, весело. Едва ли кто-либо в Джунглях испытывал подобное. Мне открылся новый смысл существования, заслонив прежний – борьбу за собственную шкуру. Моя шкура! Сколько на тебе отметин от заточек, клыков, пуль, сколько ожогов, шрамов и затянувшихся язв! Ты задубела и потрескалась от мороза. Я спасал тебя, и буду спасать, но ты теперь не властна надо мною, моя шкура, я не служу тебе! Лишь одно в Джунглях достойно служения, напряжения всех сил.

Я откинул прядь волос с лица Марины, и стал смотреть – то на него, то на звезды, сияющие над нами.

Красная полоска окаймила горизонт. Пошел редкий мокрый снег. Неуверенно выглянул краешек солнца – луч, поплясав на обломках арматуры, перепрыгнул на лицо спящей Марины, пробежался по припухлым покрасневшим губам, веснушчатым розоватым щекам, блеснул в волосах бровей. Она открыла глаза, слабо улыбнулась.

– Утро?

– Утро, – приподняв ее голову, я поднялся с колен.– О!

– Ты чего?

– Ноги затекли, – простонал я. – Дьявол!

Тысячи иголок безжалостно вонзались в мышцы – хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Я принялся неуклюже шагать по площадке, морщась и вскрикивая. Марина приснула со смеху.

– Тебе-то хорошо, – закричал я.– О! Стрелковская пытка.

– Посмотрел бы ты на себя.

Я усмехнулся.

– Поднимайся сама, – крикнул. – Посмотрим, как у тебя!

Она встала и, притворно ойкнув, принялась вышагивать рядом со мной.

– О! Пытка стрелковская.

– Не притворяйся.

Подойдя к краю площадки, я посмотрел на ночного гостя, распластавшегося внизу, как черный крест.

– Лежит? – приблизившись, спросила Марина.

– Куда денется, с такой-то высоты.

Высота и вправду была головокружительная: при свете солнца весь город как на ладони – белый лист с зелеными и красноватыми крапинками.

Как я и думал, ни одного здания не уцелело. Неподалеку от башни начинался лес, уходящий к самому горизонту. Он казался сплошным, но я знал, что есть просека, по которой стелется железная дорога.

Где-то на окраине из-под земли поднимались клубы сиреневатого пара, будто беззубый рот старого курильщика выпускал дым.

– Андрей, пошли отсюда.

Я повернулся.

– Мне совсем не нравится этот город, – сказала Марина, глядя вдаль. – Да и есть хочется...

Мы подошли к лестнице.

– Я первый, ты за мной.

Марина кивнула.

Я перелез с платформы на лестницу и стал медленно спускаться.

– Андрей!

– Да?

– Мне страшно! Голова кружится!

Только этого не хватало.

– Цепляйся! Не смотри вниз!

Я остановился, задрал голову.

– Хватайся за перекладину!

Марина, зажмурившись, перелезла с платформы на лестницу.

– Держись крепче!

– Держусь... Кажется...

Она неуверенно засмеялась.

Я помог Марине соскочить с лестницы.

– Больше всего боюсь высоты, – призналась она, поймав мой взгляд.

Тело ночного гостя чернело впереди. Я направился к нему, невольно держа руку на рукоятке заточки.

– Андрей, ты чего?

– Да хочу глянуть... Стой на месте.

Я подошел к труп, лежащему лицом вниз и припорошенному снегом. Широкая спина плотно обхвачена черной курткой, прожженной, изрезанной – дыры топорщатся желтым мехом; грязно-синие широкие штаны заправлены в носки; обут в тяжелые кованые ботинки. Одежка, как у игрока... Неужели, игрок? Таких здоровяков мне прежде встречать не приходилось. Плотный, кряжистый; руки – что бревна, а мощный затылок оброс бурой шерстью.

– Ого!

– Я же сказал тебе.

– Ты опять? – отмахнулась Марина. – Тоже мне, командир.

Она подошла к игроку, дотронулась носком ботинка до широкой руки.

– Андрей, может, перевернем его?

Марина прочла мои мысли.

– Ну, давай, – как будто нехотя, согласился я.

Мы вцепились в труп. Вот так тяжесть, черт подери!

Игрок на мгновение замер на боку и перевалился на спину. Несмотря на свою прожженную шкуру, я вскрикнул, как мальчик, и отпрянул, упав в сугроб. Марина взвизгнула и отшатнулась.

Лица нет. Есть бесформенный, зеленоватый комок, покрытый бледными волосками; в недрах комка скрываются волчьи глаза, а широко разинутая пасть обнажает звериные клыки.

Не сговариваясь, мы побежали к лесу, застревая в снегу. Прочь, прочь отсюда.

– погоди, Андрей, не могу, – взмолилась Марина. Уткнулась в толстый ствол березы и, обняв дерево, замерла, тяжело дыша.

У меня прилип к спине свитер. За всю свою игру с Джунглями я никогда не убегал *от страха*. От страха, сросшегося с инстинктом.

– Что это было? – выдохнула Марина.

Стараясь восстановить дыхание, я пробормотал:

– Не знаю. Похоже, мутант...

– О, Боже! – девушка прикусила губу. Мне казалось, она сейчас заплачет.

Худо-бедно привыкший к уродству природы и животных, человек, столкнувшись с уродством себе подобного, содрогается.

– Какая-то ошибка, случайность, – проговорил я. – Все из-за проклятых зеленых луж...

Марина вытерла глаза. Какая ты все-таки плакса!

– Зачем он лез к нам?

Я вспомнил пасть, полную острых зубов, содрогнулся.

– Может быть, башня была его убежищем, а я припечатал ему между глаз, – пошутил неуклюже, не желая пугать и без того дрожащую девушку.

– Хорошо, что припечатал.

– Хорошо? А где же твой нюх на несправедливость?

– Хорошо, что припечатал, – повторила Марина, отпуская березку. – Пойдем скорее отсюда.

Негустой, но цепкий подлесок мешал идти; с деревьев время от времени падали сухие ветки. Пахло хвоей и свежим снегом.

В животе у меня заурчало... Нужно найти еду. Вот и Марина едва переставляет ноги...

Прошагали еще немного и девушка, обессилив, опустилась на выкорчеванное бурей дерево.

– погоди, Андрей, передохну.

Я присел неподалеку. Знобило: на голодный желудок утренний холод пробирает намного сильнее. Нужно добыть мяса. Нужно убить тварь.

По снегу, пересекаясь и дробясь, рассыпались цепочки следов, – все следы старые, припорошенные, едва ли стоит идти по ним. Хотя...

Я поднялся.

– Сейчас приду.

– Я с тобой.

Спорить не было ни сил, ни желания.

Следы крупной твари – довольно свежие, не позже вчерашнего дня. Тварь привлекает заднюю ногу, иногда падает в снег – здесь остались оплавленные по краям ямки. Но крови ни в ямках, ни по следу нет – значит, животное не ранено, а старое.

Косматая туша лежала у ветвистого дуба. Подходя, я с радостью отметил: брюхо животного вздымается и опускается – не придется есть мертвечину.

Учуяв нас, тварь задергалась, пытаясь подняться. Желтый глаз мутно следил за мной. Поколебавшись мгновение, я с размаху вонзил заточку в жирный загривок – животное негромко рывкнуло, щелкнули челюсти, лапы царапнули дерево.

– Ищи дрова, – приказал я.

Шкура была толстая и прочная, – стоило немалых усилий надрезать ее. Прямо под кожей – слой вонючего желтого жира: тварь и вправду оказалась очень старой...

Наконец, я, освежая тушу, добыл кусок жилистого мяса. Обернулся. Марина натаскала дров – чего-чего, а этого добра здесь навалом.

Соорудив конусообразный костер, я потянулся за зажигалкой. Выругался.

– Ты чего? – вскинулась Марина.

– Зажигалку похерил.

Лицо Марины вытянулось:

– Что теперь делать?

Раздражение заворочалось во мне: потерять зажигалку – раньше такого со мной не случилось!

– Что делать? Жрать – вот что делать! Мы в Джунглях.

Я отхватил заточкой приличный кусок мяса и принялся рвать его зубами, чувствуя, как кровь течет по подбородку, сухожилия режут десны.

Посмотрев на меня, Марина взяла заточку... Она ела сырое мясо, едва-едва удерживая рвоту. Губы, щеки и подбородок вымазались в красное.

– Чего уставился?

Я отвернулся. Даже сырое мясо прибавляет сил, струится по венам, кормит Теплую Птицу. Мы сможем продолжить путь.

Сломанная башня осталась позади. Я шел легко: лишь слабые отголоски вчерашнего падения изредка подкатывали к голове, в глазах темнело, но ноги-руки были послушны, кости не болели.

Город еще не отпустил нас: прямо в лесу попадались заросшие бурьяном развалины домов; автомобили, сквозь зияющие дыры которых видны омытые дождями кости; попадались и зеленые лужи, прячущиеся в зарослях деревьев, – лопаются изумрудные пузыри, и облачко едкой хмари струится коварной змейкой...

Лес начал редеть. Сердце забилося спокойнее, четче: скоро должна показаться железная дорога. Идя вдоль железнодорожных путей, чувствуешь себя под защитой, будто кто-то прикрыл незримым щитом. Я верил, что пока передо мной бегут две ржавые ленты, я не заплутаю, найду ночлег и еду, отоьюсь от врага. А при удаче можно сесть на Поезд... Ведь когда-нибудь мне удастся сесть на Поезд и доехать до Конца?

– Андрей, посмотри!

Я обернулся на радостный вскрик Марины.

– Здорово!

Это был автомат – мокрый металл блестел на солнце.

– Выходит, мы здесь пролетали, – сказала Марина, раздумчиво посмотрев в небо. – Посмотри, лошадь!

В небе клубились, наползая друг на друга, облака, – они словно соревновались друг с другом в придумывании фигур. И вправду, одно из них было сейчас лошадью – белогривой, тонконогой, с трепетными ноздрями и чуткими ушами.

– А вон – ты, Андрей.

«Я» стоял, расставив ноги на ширине плеч, держа автомат у бедра и настороженно глядя перед собой. Марина смеялась, отыскивая в небе себя. Никогда прежде я так не смотрел в небо – фантазируя, рисуя что-то; небо было для меня лишь частью мира, в котором я должен выжить, причем частью далекой, неважной.

– Вон – ты.

Марина обернулась, посмотрела на облако.

– Андрей, ты мне льстишь.

– Ничуть.

«Марина» сидела в кресле: распущенные мягкие волосы развевались, доставая едва ли не до самого горизонта, на одухотворенном лице застыла радостная улыбка.

Подул ветер, и фигуры исчезли. Я вспомнил, что мы в Джунглях и опустил глаза.

– Надо идти, Марина.

Она вздохнула, поправила рюкзак за плечами.

Мы побрели дальше. Солнце стояло высоко, лучи пробивали макушки деревьев, заставляли искриться свежий снег.

– Голубь, – ахнула Марина.

Я остановился, пораженный. Неподалеку от нас на стволе поваленного дерева сидел белый голубь. Он ворковал, раздувая перламутровый зоб, словно силился что-то сказать. Я никогда не видел в Джунглях птиц.

– Красавец, – прошептала Марина, взяв меня под руку.

Голубь взъерошился, колыхнул крылом, и, наклонив головку, повернулся, показав нам другой бок. Я почувствовал, как дрогнула Марина: этот бок у голубка был красно – синим и без единого перышка, кости вздымали тонкую кожу.

– Пойдем отсюда, – сказала девушка.

Она зашагала впереди, автомат болтался у нее на шее, солнце сидело в волосах. Я отчего-то почувствовал себя виноватым и перед ней, и перед этим голубем, и даже перед Джунглями.

Показавшаяся впереди железная дорога разом скомкала и отбросила все сомнения и тревоги. Из хаоса мы вышли к порядку.

Слева, прямо у дороги, торчало полуразрушенное здание, рядом – невысокая бетонная платформа, испещренная рытвинами, как следами больших червей.

– Это что – вокзал? – подала голос Марина.

– Похоже на то.

Наши ботинки гулко застучали по бетону. В конце платформы – искореженная синяя табличка на изогнутых ножках. На табличке – облупленные буквы. Марина прочитала:

– Об-нинск, – и повторила. – Обнинск.

Обнинск! А ведь я, кажется, кое-что знаю про этот город.

8. Подземный институт

Заскрежетавав тормозами, электричка приблизилась к запруженной народом платформе. Мимо окошка тамбура замелькали лица – настойчивые, в испарине от жары и ожидания.

– «Москвичи», – с презрением бросила Аня, затягиваясь сигаретой, – дома работы найти не могут.

Андрей смущенно оглянулся: люди, напирающие сзади, ничего не слышали, думая каждый о своем.

Двери с лязгом распахнулись. Пахнуло нетерпением, потом, десятки лиц с неприязнью глядели на столпившихся в тамбуре пассажиров, руки сжимались в кулаки, подрагивали сердца.

– Скорее, – крикнула полная женщина с двумя сумками в руках.

– Успеете, сядете, – сказала Аня, выносимая из поезда людским потоком.

Две живые реки пересеклись, матюгаясь. Одна река последовала прочь от платформы, другая – погрузилась в электричку.

– Следующая остановка – Балабаново.

Нагретый на солнце, перегруженный горячими телами поезд стукнул колесами, загудел и рванул, отделяясь от платформы.

– Как селенок, – поведя плечом, сказала Аня. – И так до самой Москвы.

Андрей кивнул. Толпа увлекла их к автобусной остановке. Люди брали штурмом единственный красный автобус: к желтой стае маршруток пока не подходил никто, напрасно надрывали голоса зазывалы: «Тринадцатый маршрут», «По Ленина». Вот автобус, проседая, отчалил, и тогда стали заполняться маршрутки – в основном, молодежью: экономные старики будут ждать другого автобуса.

– погоди, – Аня схватила Андрея за руку, – пусть разъезжаются.

Они протиснулись к лавкам, на некоторых спали загорелые дочерна бомжи. Воняло мочой и семечками. В пивном ларьке маялась от жары продавщица.

– Пива хочешь?

– Можно.

Аня купила две бутылки «Багбира» и фисташки. Попросила продавщицу открыть пиво; та с недовольной миной выполнила просьбу.

– Надо же, пиво уже полтинник стоит, – проворчала Аня, подавая одну бутылку Андрею. – Фисташки будешь?

– Нет, спасибо.

Андрей жадно хлебнул из бутылки – белая пена брызнула на плащ.

– Почему ты таскаешь плащ в такую жару? – без особого интереса спросила Аня, хруста фисташками. Бутылку она поставила на скамью, прямо рядом с пыльной подошвой спящего бомжа. Ее большие груди выглядывали из-под розовой майки: казалось, Аня стоит на людях полуголая.

– Не знаю, – пожал плечами Андрей.

– Ну, так сними.

Он снял плащ, перекинул через локоть, оказавшись в белой рубашке с короткими рукавами. Руки у него были тонкие, жилистые, покрытые черными волосками.

– Какая духотища, – проговорила Аня, щурясь на солнце.

Андрей допил пиво, опустил бутылку в урну.

– Уже выдул? – подивилась Аня и потянулась к своей бутылке. Бомж во сне дрыгнул ногой, бутылка упала. Она не разбилась, а покатила под лавку, гремя и орошая асфальт

пятидесятирублевым пивом. Бомж, словно младенец, зачмокал во сне раздутыми потрескавшимися губами.

– Козел, – зло сказала Анята. – Бомжара чертов.

Народ рассосался; подошел пустой автобус. Андрей и Анята вошли в жаркий салон, пахнувший пылью и потом, опустились на кресла с торчащей из дыр желтой поролоновой набивкой.

– Обилечиваемся, – подошла кондукторша: лицо усталое, волосы растрепаны; белые штаны-треники, похожие на кальсоны (в автобусе-то можно – это почти что дома), голубая застиранная футболка, подмышки желтые, влажные.

Анята протянула кондукторше двенадцать рублей, получила два синих талончика; один отдала Андрею.

– Опс! Ты посмотри! – Анята несильно пихнула Андрея в бок.

Бомж достал из-под лавки бутылку и пил остатки пива.

– Нарочно скинул, – засмеялась Анята.

Автобус тронулся. Анята принялась рассказывать про свою подругу, продающую одежду в торговом центре «Триумф». Трещала пуще сороки. Андрей слушал невнимательно: чувство, тяжелое, как медведь, ворочалось у него в груди. Когда Анята, чмокнув его в щеку и весело бросив «До вечера!», сошла, он почувствовал себя лучше, – надел плащ, стал вглядываться в проплывающие мимо окна знакомые улицы.

Люди входили, выходили, кто-то садился на кресло рядом с Андреем. Он упрямо глядел в окно. Когда снова подошла кондукторша («Ваш билет? А, вы обилечены...»), на мгновение повернулся.

Андрей не думал о Гале, о матери, об Алене – мысли испарились, уступив место созерцательным проблескам: вон карапуз ест мороженое – на щеках слезы, значит, долго просил у мамы (а может, мама купила мороженое, чтобы не просил велосипед); вот старик на лавке читает газету (а может, спит, обманчиво поблескивая дужками очков). Показалась телебашня, ершисто ошетилившаяся крестообразными шипами. Но посмотрите-ка – к телебашне приторочена узкая лестница! До самого верха, туда, где плавают облака. К чему это? Должно, для монтеров, для ремонтников... Андрей представил, как должно быть, холодно и страшно ползти по узкой этой лестнице – все выше, выше – с абстрактной целью и такими же абстрактными возможностями. Что человек перед этой башней? Му-ра-вей.

«Муравей, да ведь башню-то он построил».

Андрею стало смешно.

«Конечная, ЯДИ», – сказала кондукторша, неприязненно глядя на Андрея. Автобус стоял с открытыми дверьми.

Андрей подхватил портфель и вышел у знакомой синей будки. Желтая табличка, приваренная к железной стенке, оповещала, когда придет следующий автобус. Но Андрею он был не нужен – за дорогой петляла узкая тропинка, ведущая в прохладу молодого бора. Андрей подождал, пока уйдет автобус, перешел дорогу и быстрым шагом двинулся по тропинке.

Сосны приняли человека под свои своды с величавым вниманием, обдав смолистым запахом. Бор скрывал терминал – невысокое, но длинное и широкое строение, огороженное колючей проволокой. К нему примыкали еще несколько зданий; это – ЯДИ – Ядерный институт, организация, ради которой построен город с многоэтажными домами и общежитиями для сотрудников. После остановки первого в мире атомного реактора, сворачивания программ, многие были уволены. Работу сохранили лишь единицы.

Например, Кузьмич.

Андрей дошел до будки с турникетом и шлагбаумом. Нелюдимого вида старик потребовал предъявить документы. Вот ведь чудак – знает всех сотрудников наизусть, но каждый раз требует предъявить документы.

– Здравствуйте, Кузьмич, – сказал Андрей, улыбаясь про себя. Показал старику красную корочку: «Андрей Сергеевич Островцев, старший научный сотрудник».

Кузьмич кивнул, протягивая руку к кружке с чем-то черным. Чай или кофе?

Андрей отвернул рогульку турникета, пошел по асфальтированной дорожке к проходной. Под голубым навесом, притороченным к левому крылу здания, млела «Тойота» Невзорова, – значит, начальник уже на месте.

На проходной ни души. Андрей прислонил к электронному турникету именной чип. Раздался короткий писк – прозрачные створки разошлись в стороны, пропуская старшего сотрудника. Человек со стороны был бы удивлен наличием современных пропускных систем внутри главного корпуса ЯДИ и общим невзрачным, даже, пожалуй, ущербным состоянием Института. Все здесь было словно затянуто пылью – стены, потолок, пол. Человек со стороны был бы удивлен, но таковых в ЯДИ не бывает.

Навстречу Андрею показалась Клавдия, женщина лет сорока, работница Прикрытия. Казалось, и она слегка припорошена пылью. Клава несла в руках какие-то бумаги.

– Здравствуйте, – холодно кивнула она, отворяя дверь в кабинет начальника Прикрытия Алтухова.

Андрей очень редко общался с людьми из ЯДИ-Прикрытия, а с Алтуховым даже никогда не разговаривал – не его начальство.

Быстрым шагом он прошел через темный коридор, не встретив ни души, свернул налево, преодолел еще один электронный турникет, спустился по узкой каменной лестнице и замер у белых дверей лифта.

Здесь Андрею пришлось открыть портфель и покопаться в нем среди дисков, бумажек, флешек. Выудив электронный ключ, он коснулся им тускло мерцающего зеленого кружка. Где-то внизу послышалось сумрачное гудение, точно очнулся от многолетней спячки древний подземный дух.

Отворились дверцы, Андрей вошел в белоснежную пасть лифта.

Всегда, когда он спускался в нижнюю часть – это занимало не меньше минуты, – представлял пласты породы, медленно проплывающие за стенками лифта – толстые слои песка и глины, грубый известняк, полонивший на веки окаменелых животных. Лифт напоминал шкалу барометра – только вот что показывает этот барометр?

Засекреченный, или *Подлинный*, ЯДИ привычно распахнулся перед Андреем широким пространством с многочисленными ходами, коридорами, лестницами, дверьми – не верилось, что здесь трудятся всего-навсего десять человек.

В Подлинном ЯДИ все новое, блестящее – от самого маленького шурупа до компьютера. С потолка льется мягкий свет, усиливая контраст с темным, как пещера, ЯДИ Прикрытия. Впрочем, для жителей Обнинска, да и для всей страны, исключая небольшую когорту посвященных, именно ЯДИ Прикрытия – подлинный ЯДИ. И Андрей – в когорте посвященных. Временами он чувствовал гордость, ощущая причастность к чему-то великому, а иногда – страх: «А для чего, собственно, мы это делаем?». Если Невзоров узнает об этой рефлексии – одним увольнением не обойдешься... Андрей никогда не афишировал в разговорах с коллегами свои раздумья, просто добротнo выполнял свою работу.

Пройдя в раздевалку, Андрей повесил плащ на крючок, поставил чемодан в шкафчик. Взял с полки белый халат.

Электронные часы на стене показали «8.40».

Сняв темные очки, Андрей надел обыкновенные – с широкими расшатанными дужками.

Подойдя к зеркалу причесаться, задержался на некоторое время, рассматривая себя. Унылый взгляд, всклокоченные волосы; очки сидят на носу совершенно по – дурачки... И этот белый халат...

«Гарри Поттер, выросший и ставший дантистом... Дантистом в поликлинике».

Снаружи раздались шаги. Андрей торопливо вышел из раздевалки.

– Островцев. Привет!

Андрей пожал мягкую руку стоящего перед ним человека. Старший научный сотрудник Смолов... За боязливо озирающиеся глазенки и свистящий шепот Смолова прозвали Хомяком. Хомяк был то, что называется *tabula rasa*³: постоянно и всему удивлялся, раз за разом открывая Америку. В вопросах, не касающихся ОРА – отдела расщепления атома, житейских, самых простых – Смолов был сущим младенцем. Но в своем деле это специалист высочайшего класса. Впрочем, других в ЯДИ не бывает.

– Как жизнь? – спросил Смолов, заглядывая Андрею в глаза.

«С чего это он?» – удивился Островцев.

– Да вроде отлично. А у тебя?

Смолов улыбнулся, обнажив два длинных передних зуба, закивал головой, но ничего не сказал. Андрей обошел его и проследовал к лестнице, ведущей в ОПО – опытный отдел.

«С чего это Смолов спрашивает про жизнь?» – вертелось в голове. Больше всего на свете старший научный сотрудник Островцев боялся проблем.

Андрей спустился вниз, остановился на минуту перед дверью, набирая на замке секретный код.

ОПО – это царство змеиного шипения. Оно доносится откуда-то снизу, из-под многочисленных люков в полу, заставляя думать о чем-то индийском, естественно-природном, о Будде. Андрей был единственным «жрецом» ОПО, как он иногда именовал себя.

Белый коридор, покрытый изоляционной плиткой, тянулся до тех пор, пока не становился куском темноты: Андрей ни разу не дошел до его конца и считал, что это невозможно. Большую часть времени он проводил в своем кабинете, расположенном в головной части коридора, если можно назвать кабинетом открытое широкое пространство, со стулом, столом и компьютером, сиротливо приткнувшемся в уголке. Лифт у стены время от времени уносил Андрея еще глубже, – туда, где и вершилась главная работа.

Так же здесь располагались душевая и стеллажи с несгораемыми пухлыми конвертами – результатами опытов. На каждом конверте – десятизначный номер и электронный чип, за каждый конверт Андрей отвечает головой.

Положив портфель прямо на клавиатуру компьютера, Андрей сел на стул, опустив сцепленные руки на колени. Искусственный свет делал его лицо зеленоватым, зеленоватыми были стены, потолок, стеллажи.

Что-то мертвенное таилось во всем, – и в Андрее тоже. Месяцами копошась в ОПО, Островцев чувствовал, что искусственная зелень проникает все глубже и глубже под кожу. Он отдавал себе отчет, что работу свою ненавидит, ненавидит институт, кропотливую упорность, с которой зарождается в его недрах нечто змеиное, едва ли направленное на «мирное строительство».

Но что он еще умеет? И потом – разве напрасны были унижительные и голодные годы учебы?

Ездить в Москву? Андрей и до Обнинска-то добирается с трудом; к тому же, в Москве вряд ли можно применить его знания... Так где же? Только здесь, в Подлинном ЯДИ. Ну и еще, разве что... Миражом возникли в голове некие здания, люди, понятия, условно именуемые словом Запад.

Островцев потянулся за минералкой. Сделал пару глотков из бутылки. Поморщился от слабого щекотания в носу.

Часы на стене показали 09.30. Ничего себе присел! Андрей почувствовал укол совести. Все-таки он – добросовестный работник.

³ Чистая доска – лат.

Поднялся, взял с полки конверт. Один из последних опытов – расщепление НА. Вспомнил: красновато-зеленый свет, почти иллюзорный; змеиное шипение, переходящее в пододбие стона; жар, проникающий под термокостюм, и – вспышка в замкнутой колбе, – ослепительно-яркая. Опыт оказался удачным, даже сверхудачным: выяснилось, что при расщеплении НА высвобождается невиданное доселе количество энергии.

В сущности, прямо сейчас, из своего подвального отдела, Андрей мог уничтожить Вселенную...

«Ну, прямо-таки и Вселенную, – Островцев потер мочку уха. – Но Землю – точно».

Вселенную породил Большой взрыв... Андрей никогда не верил в это: взрывы, войны, и оружие он ненавидел всей душой, – рефлекторно, как кошка – собаку.

«Зачем ему НА?»

«Ему» – это не директору Подлинного ЯДИ Невзорову.

Островцеву чудился кто-то неведомый, облеченный властью: политической ли, денежной – не важно. Иногда этот неведомый представлялся Андрею одним из участников «великой той борьбы, какую вел Господь со князем скверны»⁴.

Неужели все они – сам Островцев, Смолов, Лордеску, Рюмин, Широко, Алтухов, Нечаев, Симоненко, Ильмень, Роштейн – служат сатане?

По официальной, «корпоративной» версии, озвученной Невзоровым на собеседовании при устройстве на работу (за пять лет это был единственный раз, когда Андрей разговаривал с директором): институт занимался разработкой новых источников энергии, необходимых в ближайшем будущем, – углеводородные ресурсы страны практически исчерпаны. Правдоподобно, но Андрей, хотя и не жил никогда в канувшем в Лету тридесятм царстве СССР, был подозрителен и недоверчив, как совок: он не поверил Невзорову. И это стало его личной проблемой – за муки и рефлексию в ЯДИ зарплату не платят.

Результат опыта – мутно-желтая пленка. Только мощный микроскоп заставит ее заговорить, и для непосвященного язык, на котором заговорит пленка, останется тарабарщиной, набором непонятных знаков на экране компьютера.

Андрей повертел пленку в руках, улыбнулся краем рта: в знании и сопричастности есть что-то наполеоновское...

Здесь не нужно смотреть на часы, чтоб понять: обед. За годы организм привыкает к принятому в ЯДИ распорядку.

Островцев зевнул, упаковал пленку в конверт, положил в карман халата электронный ключ и вышел из отдела. Свет автоматически погас, но змеиное шипение не утишилось ни на йоту.

Андрей понял, что голоден. Вышел из кабинета и направился в столовую, откуда доносился запах свежих огурцов.

Еда на ячеистых подносах поступала по конвейеру сверху, из кухни ЯДИ Прикрытия.

За белыми столами, наклонив головы, сидели девять человек. Брюнеты, блондины, один рыжий – Рюмин, два седых – Роштейн и Нечаев. Все, как один, плешистые.

Двигаются челюсти, хрустят огурцы на зубах...

Приход Островцева остался незамеченным – лишь Смолов кинул на него беспокойный взгляд.

Андрей взял с конвейера последний поднос, присел к столу, подальше от всех. Вообще, сотрудники Подлинного ЯДИ за обедом разговаривали редко и о какой-нибудь чепухе. Словно кто-то незримый витал над столом, поторапливая, сковывая человеческие порывы.

⁴ Вольная цитата из «Божественной комедии» Данте Алигьери.

Поднос, как всегда, упакован в прозрачный целлофан. Андрей спешно сорвал его. Так: концентратная картошка с подливой и котлетой, салат из огурцов-помидоров, кофе со сливками в бумажном стаканчике, несколько галет и конфет «коровка».

Андрей взял пластиковую вилку и первым делом, выудив из салата, отправил в рот кусок огурца. Ждало разочарование: огурец умел только пахнуть. Островцев быстро съел картошку с котлетой, запивая кофе. Конфеты и галеты оставил на подносе, который отнес обратно на конвейер и положил на гору из девяти точно таких же подносов. Столовая к этому времени была уже пуста. В горле конвейера послышалось гудение, и посуда медленно поползла вверх.

Выйдя из столовой, Андрей в пустом коридоре наткнулся на Смолова.

«Преследует меня, что ли?»

Островцев свернул в уборную и довольно долго пробыл там, причесываясь перед зеркалом намоченной расческой.

Смолов, к счастью, убрался восвояси.

Андрей, почему-то чувствуя себя не в своей тарелке, прошел в ОПО, запер дверь.

Зазвонивший телефон заставил его вздрогнуть. Покрытый пылью, забытый телефон для связи с начальством... Сколько он молчал? Пять лет?

С пересохшим от волнения горлом старший научный сотрудник снял трубку.

– Да.

– Островцев, здравствуйте, – знакомо-незнакомый, глуховатый голос.

– Здравствуйте, Александр Игоревич.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, на минутку.

«Что ему понадобилось от меня?» – пронеслось в голове.

– Да-да, Александр Игоревич, я сейчас зайду...

«Долгие заунывные гудки – это внутри меня?».

Островцев положил трубку; чувствуя неприятный привкус во рту, снова покинул отдел, хотя собирался хорошенько поработать, может быть, даже начать опыт с ТА... Но – вызывал директор. Впервые за все время службы в ЯДИ.

Кабинет Невзорова – тайна за семью печатями. Точнее, за тремя электронными замками и одним кодовым. Андрей поражался, как мозги сотрудников удерживают бесконечные цифры. Сам он пользовался чипами и поначалу часто путался, подолгу стоя у дверей либо лифта, дожидаясь, когда же кто-нибудь соизволит помочь ему. Чрезмерная секретность – тоже причина подозрений. Неужели новый вид энергии необходимо делать под охраной электронных сфинксов?

– Можно, Александр Игоревич?

– Входите.

Невзоров стоял у стеллажа с книгами.

– Присядьте, Островцев.

Андрей опустился на стул рядом со столом начальника, чувствуя нарастающее беспокойство. Невзоров был мало похож на директора, образ которого возникает при самом произнесении этого слова.

Он был настоящим атлетом: рослый, грудная клетка широкая, с ясно выраженными мышцами, мощный затылок с коротко стриженными рыжими волосами. Одет в костюм олимпийской сборной России. Невзоров мог бы сниматься в боевиках про русскую мафию...

Александр Игоревич увлеченно изучал какую-то книгу, похоже, позабыв о посетителе. Андрей кашлянул и испугался своей наглости.

Невзоров вернул книгу на полку. Сел за стол, впившись в Островцева голубоватыми глазами. Лицо у директора казалось тусклым, потертым; две продольные морщины вдоль щек придавали ему кисловатое выражение.

– Послушайте, Островцев. Гм... Даже не знаю, как и начать...

Сердце Андрея заныло. Невзоров достал из кармана платок. Неторопливо вытер лоб.

– Да. Не подозревал, что когда-нибудь придется говорить нечто подобное кому-то из сотрудников Подлинного ЯДИ, – Александр Игоревич сделал движение, будто собираясь встать с кресла. – Вы, конечно, в курсе, что наша организация традиционно заботится о моральном облике своих сотрудников?

Андрея передернуло – точно директор говорил не словами, а короткими молниями. Старший сотрудник ожидал чего угодно – только не разговора о моральном облике.

– Простите, Александр Игоревич?

– Островцев, ведь вы все прекрасно поняли: речь о той девушке, с которой вы изменяете жене.

Краска хлынула ни лицо Андрея и тут же отступила, оставив место бледности – большей, чем обычно.

«Они следили за нами».

– Это мое личное дело, – глухо проговорил он, ловя убегающие глаза Невзорова.

– Пока вы работаете в ЯДИ – личных дел у вас быть не может, – директор сделал акцент на слове «пока».

– Где это прописано?

– Островцев, – отчеканил Невзоров, – Еще раз тебя увидят с этой шлюхой – вылетишь, как пробка.

Мозг Андрея заволокла пелена и, перегнувшись через стол до боли в животе, он выкинул вперед кулак – туда, к потной физиономии, враз ставшей ненавистной.

Директор ловко отстранился и, поймав руку Островцева, вывернул ее. Андрей застонал, пытаясь дотянуться до лица Невзорова свободной рукой, почувствовал сильный толчок и вместе со стулом полетел на пол. Тут же тяжесть навалилась сверху – от двух коротких ударов по лицу Островцев потерял сознание.

Когда пришел в себя, директор сидел за столом и вытирал лицо платком.

– Жара, – устало сказал он. – Проклятая жара. Прямо Бангладеш. Даже кондиционеры не справляются.

Кашлянув, Невзоров выпил воды из графина.

– Хотите?

Андрей мотнул головой, замычал, надевая треснувшие очки. Из разбитого носа на белый кафель капала кровь.

– Идите, Островцев, – разрешил Невзоров, глядя, как Андрей поднимается с пола. – Идите и подумайте над нашим разговором. Хорошенько подумайте.

– Я подумаю, Александр Игоревич, – пробормотал Андрей и вышел из кабинета директора.

Голова гудела, как бубен шамана, мысли свернулись в бесформенный комок. Он словно побывал в дурацком фильме либо в глупом сне: только что хотел набить морду директору, а в итоге сам оказался с набитой мордой.

Болезненный смех сотряс Островцева.

«Бред! Просто бред!»

В коридоре никого не было. Прошмыгнув в уборную, Андрей смыл с лица кровь. Скомкал перепачканный халат, бросил в урну.

Сжимая челюсти, Островцев добрал до ОПО.

«Десять тысяч долларов», – сказала в электричке Аня.

Зачем ей столько? А впрочем, не все ли равно – ей нужны деньги, и ему нужны деньги, всем нужны деньги.

«Они следили за мной. Как за крысой. За крысой! Что же это за организация?».

Андрей присел к столу. На часах – 14.00. Как время пролетело!

«Ничего, мы что-нибудь придумаем. Что-нибудь придумаем».

Островцев взглянул на плотные полки с результатами опытов и в голове почему-то возникли виды Парижа, Нью-Йорка, еще каких-то городов, увиденных по телевизору и на картинках в журналах.

«Придумаем... Завтра».

Змеиное шипение из-под пола, казалось, одобряло его.

Андрей взял портфель и поднялся.

Из столовой доносился запах жаркого, но Островцев, даже не подумав об ужине, проследовал к раздевалке. Натянул плащ и, слегка согнувшись, двинулся к лифту. Рабочий день для него закончился.

В вечернем сумраке подходящая к платформе электричка казалась зеленой гусеницей. Анята, видимо, устала: не болтала, не лезла целоваться. Сидела на лавке, щелкала семечки. В автобусе она спросила, что у Андрея с лицом; он соврал, что упал с лестницы.

Распахнулись двери, выпустив потный, усталый люд. Когда толпа схлынула и немногочисленные пассажиры стали заходить в поезд, Анята поднялась, пряча семечки в сумку.

– Пошли, что ли. А то до ночи останемся.

Они последними вошли в электричку. Двери захлопнулись.

«Следующая станция – Малоярославец», – объявило радио.

– Ты смотри-ка, – удивилась Анята. – В Шемякино, что ли не остановится?

В вагоне было совсем мало народу: две женщины и мужчина впереди, да спал на лавке бомж.

Радио соврало: электричка остановилась в Шемякино, но вряд ли кто-нибудь вошел в вагон с темного полустанка.

– Анята.

– Ну?

– Зачем тебе десять тысяч?

Анята помолчала, прислушиваясь к стуку колес, наконец, будто нехотя, сказала:

– Я беременна. Кажется...

Чего-то подобного Андрей и ожидал. Он вздохнул, глядя на проносящийся за окном лесок.

– Если ты не хочешь, то не надо, – сердито сказала Анята.

– А? – восторженно Андрей. – Нет-нет, что ты! Деньги будут.

Она улыбнулась:

– А своей ты скажешь?

– Скажу, – соврал Андрей.

«Малоярославец. Следующая остановка Ерденово».

– Ну, до завтра!

Анятин поцелуй вкусно пах семечками.

Она вышла из вагона, пройдя под фонарем, помахала Андрею рукой. Островцев подумал: как странно, что именно эта женщина, в сущности, совершенно ему чужая, носит в себе его ребенка.

Кроме Андрея и бомжа в вагоне никого не было. А может, не только в вагоне, но и во всем поезде?

Островцев смотрел на свое отражение в черном стекле и ни о чем не думал. Хотелось спать, но, боясь пропустить свою станцию, он тер глаза, зевал.

«Следующая станция – Родинка» – прохрипел динамик.

Андрей поднялся, прошел в тамбур. Бомж спал на лавке, раскинув в стороны обутые в раздавленные ботинки ноги. Вспомнилась похожая ночь, только зимняя. Островцев ехал тогда домой и тоже на лавке спал бомж. Кажется, в Малоярославце в электричку заскочили трое молодчиков и с криками принялись избивать бомжа ногами. Андрей ясно вспомнил свой собственный ужас и омерзение: он не посмел вмешаться, сидел, внутренне содрогаясь при каждом ударе по опустившемуся, безобразному, но *человеческому* телу. Молодчики выскочили на следующей станции, Островцев перешел в другой вагон, не в силах осознавать, что рядом лежит бездыханное окровавленное тело.

Родинка едва светилась во мгле. С пригорка Андрей привычно отыскал глазами свой дом: в окнах, конечно, горит свет.

– Галя! Андрюшка приехал! – глухо крикнула Марина Львовна.

Андрей оставил портфель в прихожей, повесил на гвоздь плащ, и, разувшись, прошел в дом. Из кухни вышла Галя. Зеленоватые глаза смотрят тревожно. Заметила, конечно, следы невзоровских кулаков. Но матери она ничего не скажет – не станет тревожить.

– Андрюшка, как работа? – голос Марины Львовны донесся из спальни.

– Все хорошо, мама, спи.

Галя спросила про ужин.

– Поужинал на работе, – соврал Островцев. – Устал сильно...

– Ну еще бы, – заворочалась в темноте Марина Львовна. – Целый день...

Андрей прошел в комнату, быстро разделся, лег. Прохлада постели была приятна. В открытую форточку проникал сладковатый цветочный запах.

Негромко, как бы извиняясь, постучав посудой на кухне, пришла Галя. Медленно разделась. Андрей даже с закрытыми глазами видел ее некрасивое, преждевременно состарившееся тело, пожухшее, бесплодное.

«Пустоцвет», – так иногда его мать называет жену.

– Андрюшка, – услышал он шепот и, хотя ждал, знал, что он последует, слегка вздрогнул под тонким одеялом. – Андрюшка, что у тебя с лицом?

– Отстань, – пробурчал Островцев, переворачиваясь на другой бок.

Галя умолкла, но минуты через две снова зашептала – горячо, со слезой:

– Кто это тебя, Андрюшка? Ну, скажи!

– Отстань, я спать хочу!

– Тише, – испугалась Галя. – Марина Львовна услышит!

Но Островцева уже ни о чем не надо было предупреждать: словно в зыбучие пески, он провалился в сон, а женщина рядом с ним еще долго не спала, время от времени приподнималась на постели и заглядывала в побитое лицо старшего научного сотрудника.

9. Любовники

Лес притих, как рать, поднявшаяся на бой.

Шли молча.

Я думал о своих всполохах. Островцев противен мне; противны обе его женщины, его работа и вообще весь *его* мир. Мир мелкий, мертвый... Все эти люди – Андрей, Галя, Аня, Смолов, Невзоров – мертвецы, но они умерли задолго до Дня Гнева. И все-таки мне интересно...

Я хмыкнул, вспомнив, как Невзоров избил Андрюшку.

– Ты чего? – обернулась Марина.

– Да так, вспомнил кое-что.

В зеленых глазах сверкнуло любопытство.

– А я думала, ты больше не видишь всполохов.

– Вижу, и с тех пор, как повстречал тебя, гораздо чаще.

– Расскажи.

– Да что там рассказывать...

Марина пожала плечами.

– Твое дело.

В самом деле, почему бы не поделиться с ней своими всполохами? Дело давнее, дело темное...

Я ускорил шаг и, догнав девушку, пошел рядом.

– В общем, это связано с Обнинском. Всполохи говорят, что когда-то я там работал...

Она слушала, не перебивая.

Когда я закончил свой рассказ (почему-то выключив из него Аня), пошел снег. Сквозь снежинки я смотрел на Марину: что она скажет? Но девушка шла молча, время от времени стирая с лица мокрый снег.

– Надо искать убежище, – сказал я, взглянув на небо.

– Андрей, а ведь там была еще одна женщина.

Я вздрогнул.

– Признайся.

Марина схватила меня за рукав куртки.

– Да, была... Но... как ты узнала?

Марина засмеялась.

– Это секрет. Она хорошая была?

– Хорошая?

– Ну, добрая, красивая?

– Нет, не хорошая.

Зеленые глаза обдали холодком.

– Андрюшке твоему нравилась.

– Так Андрюшка – это не я.

Она отпустила мой рукав.

Солнце, зашторенное метелью, казалось блеклым пятном и все сильнее вытягивалось вдоль горизонта. Мало-помалу оно начало краснеть. Стрелки вряд ли простят нам угон вертушки, но пока можно не волноваться: погоня в такую погоду невозможна.

Одно плохо: снег мокро всхлипывает под подошвами, и на нем остаются синеватые следы. Две цепочки следов.

Что-то давненько не видать игроков... С одной стороны, это хорошо – махать заточкой כמו охота; с другой – странно. Нет игроков, нет стрелков, нет тварей. А кто есть?

Джунгли приучают к тому, что жизнь – это всего лишь бег от смерти. Рано или поздно к нему привыкаешь и забываешь о том, что бежишь. Ноги-руки крепки, котелок варит – удрал, обманул, выиграл – прожил день. Нет – ну что ж...

Однако путешествие с Мариной не казалось мне бегом. Это – путь к цели. Какой цели? Не знаю... И Марина, конечно, не знает.

Губы пересохла – на ходу я схватил снега, пожевал. Холодные струйки побежали по горлу.

Я совсем не чувствовал усталости. Не верилось, что не так давно рухнул наземь с двадцатиметровой высоты.

Подумалось: а скольких игроков я обыграл? Не меньше сотни – это точно. Хотя однажды сам оказался на волоске от проигрыша. Это было у Восточной балки, где я наткнулся на игрока, свежавшего тушу детеныша твари. Я был голоден, и туша должна была стать моей. Однако здесь нашла коса на камень: игрок с виду был жидким, а на деле оказался сноровистым и быстрым. Он полосовал меня по рукам, груди. Я не смог нанести даже пустяковой раны. Помню, как я упал, истекая кровью, на снег. Он придавил мою грудь коленом, приблизил заточку к шее. Помню его желтоватые глаза. Я ждал, слушая гомон Джунглей, прощаясь с Теплой Птицей, но он вдруг отпустил меня и, закинув на плечо тушу, побрел прочь.

Почему этот игрок пошел наперекор Джунглям? Быть может, решил, что со мной справятся твари? Не знаю. Но я запомнил каждую морщинку на желтом обветренном лице.

Черная туча медведем ворочалась в небе. Светлая кайма на верхушках деревьев стремительно истончалась.

– Андрей, посмотри.

Марина указала в сторону леса, где возвышалось нечто темное.

Джунгли окружили большой бревенчатый дом со всех сторон, сжимая, будто пытались его задушить: кое-где на стенах – широкие трещины. На крыше – березка. Окна блестят осколками оплавленного стекла.

– Дача, – сказала Марина.

– Что?

– Дача, говорю. Бывшие отдыхали здесь, сажали цветы.

– Знаю, – пробормотал я, отыскивая вход. Ясно, что лучшего убежища нам не найти.

Дверь дачи сохранилась и даже была заперта. Я навалился плечом и упал вперед, вызвав сдержанный смех Марины. Из дома пахнуло затхлостью.

В сумраке я увидел довольно широкий холл, дверные проемы. Ступая по хлипкому полу, вошел в одну из комнат. Ржавый холодильник, плита; шаткий стол, шкаф, белеющий посудой: видимо, кухня. Марина пошарила на полке и радостно ойкнула. Из ее кулака вырос язычок огня, осветивший лицо: нашла зажигалку.

– Молодец, – обрадовался я.

В другой комнате – широкой, не меньше двадцати шагов – распавшийся диван, камин, прелое тряпье. Еще – какой-то черный покосившийся предмет.

– Ого, пианино, – воскликнула Марина.

Она открыла черную крышку, под которой белели клавиши.

– Эту комнату бывшие называли – гостиная. Здесь они принимали гостей. Играли на пианино.

Марина опустила руки на клавиши. Раздался грохот и скрежет.

Я поспешил заткнуть уши.

– Те, кто умел, играли, – сконфузилась девушка, закрывая крышку. – А еще – смотрели телевизор.

Она взмахнула рукой, и я разглядел на стене за пылью и паутиной тонкий прямоугольник.
– А если не было гостей, они все равно садились...

Марина порывисто села на диван, закряхтевший, застонавший.

– Включали телевизор и смотрели.

– Что смотрели?

– Все. Как классно, должно быть... Огонь горит в камине...

Марина, подперев голову руками, сделала вид, что смотрит телевизор – черный и пустой, как лесная яма.

– И что, все бывшие жили в больших домах?

– Не мешай.

– Кончай дурачиться, – разозлился я.

Она поднялась:

– Ты скучный, Андрей.

– Зато я не преклоняюсь перед бывшими.

– А я что преклоняюсь, что ли?

Я не ответил, разглядывая комнату: чудно как-то, ей Богу! Люди жили, принимали гостей, играли на пианино, может быть, танцевали, или как там это называлось... Ели, наверное, не крыс. Задумывались ли о том, что может с ними произойти не через сорок – пятьдесят лет, а здесь и сейчас, сию секунду? Нет, конечно, не задумывались... А смерть могучим дыханием высадила окна, вытравила души, сожгла тела – никто и не понял, что случилось.

– Андрей, пошли наверх. Интересно же!

Интересно? Да, пожалуй.

Скользкая лестница взвизгнула под ногами, грозя обрушиться. Дом как будто привык к тишине и уединению, и, похоже, готов был отстаивать свой покой: на самом верху моя нога попала между досками, я с трудом освободился.

На втором этаже не было окон. Марина чиркнула зажигалкой, образовав вокруг себя узкий кокон желтого света.

– Хоть бы факел... – пробормотал я. – А ну-ка.

Поднял с пола веник.

– Поджигай!

Комната осветилась, и мы увидели хозяев.

Обнявшись, они возлежали на широкой кровати. Полуистлевшее одеяло глубоко прорисовывало кости, белые черепа соприкасались. Не знающий пощады ветер смерти опалил этих людей во время акта любви. И отчего-то казалось, что соитие, продлившееся до вечности, еще не завершено: страсть не удовлетворена, напротив, оттого, что мясо сошло с костей, стала яростней и болезненней.

На стене – тусклый портрет. Это – они.

Он – в военной форме, черноволосый, моложавый, веселые глаза под кустистыми бровями, породистый нос; она – хрупкая блондинка, доверчиво склонила на широкое плечо аккуратную голову, серые глаза глядят ласково и вместе с тем внимательно. Ни он, ни она не знают, что их ждет, а просто любят друг друга. И – черт побери – ведь эти бывшие оказались правы. Последнее, что запомнили его руки – ее тело, последнее, что запомнили ее губы – вкус поцелуя.

Веник, чадая, догорел, тьма скрыла любовников.

– Пошли отсюда, – тихо сказала Марина.

Мне тоже было не по себе в этой комнате, до сих пор наполненной своими хозяевами, как будто ничего не произошло.

Внизу Марина опустилась на диван. Задумалась.

Я нашел в кухне дрова, принялся растапливать камин.

Когда огонь разгорелся, бросая на стены красные и золотистые блики, дом будто бы ожил. Я подумал: ведь и правда, что-то теплилось в жизни бывших!

Сел на диван рядом с Мариной, стал смотреть на огонь.

– Андрей.

Голос Марины прозвучал странно: он словно бы пропитался теплом из камина. Я взглянул на нее. В глазах девушки мерцали огоньки.

– Что?

– Почему ты отказался от меня? Ну, тогда, в лесу?

Я вспомнил наше знакомство: ее мольбу о помощи, мой отказ, Последний Поезд и руку, протянутую игроку, потерявшему надежду.

– Прости... – пробормотал я. – Я не знал.

– Чего не знал? – Марина придвинулась ко мне, стремясь заглянуть в глаза. – Чего ты не знал? Ну, посмотри на меня.

Я медленно повернулся – ее лицо совсем близко.

– Я не знал, что полюблю тебя.

Казалось, поднимется буря: Джунгли обрушатся на нас, понесут, кружа, ударяя о выступы тьмы по жерлу неведомой воронки, дна у которой нет. Но случилось более страшное: руки Марины обвили мою шею, и я ощутил на своих губах горьковатый, горячий вкус ее губ.

– Марина, – прошептал я, трогая ее волосы.

Она прижалась ко мне. Она дрожала. Дрожал и я, не зная, что говорить, что делать, что с нами происходит.

– Ты когда-нибудь... – выдохнула Марина. Я догадался, о чем она:

– Нет.

– Я тоже.

Улыбнулась:

– Бывшие смеялись бы над нами...

Марина сняла куртку, стянула через голову толстый свитер.

– Пусть смеются, – прошептал я, глядя на нее. – Пусть...

10. Василиск зашипел

Там, в слепой белизне, скрывался Василиск. Спустился другой сотрудник ЯДИ, Смолов, или, например, Нечаев, в святая святых ОПО, высокая конструкция, обложенная изумрудной плиткой, скорее всего, представилась бы ему не Василиском, а чем-то другим... Андрей же, в силу начитанности и присущей его душе некоторой поэтичности, порой воображал себя древним воином, сражающимся с чудовищем.

Василиск ждал в конце коридора, наполненного змеиным шипением, с каждым шагом становящимся все громче. *Зач– чем ты идеш-шь сюда, ч-человече?*

В последний раз проверив застежки на защитном костюме, Андрей двинулся вперед по коридору. Стекло шлема запотело – никогда он так не волновался, как сегодня, и никогда так рано не приходил в институт – раньше всех, даже Кузьмича. Островцев приехал в Обнинск на первой электричке, и когда шел через бор к ЯДИ. У земли еще клубился не тронутый солнцем туман.

Змеиное шипение становилось назойливее, проникало под шлем. Не помогали даже восковые беруши. *Остановис – сь, если хочеш-шь жить!*

Неестественное зеленое мерцание было невыносимым. Пот градом катился по спине.

Хотелось повернуть, выскочить на воздух, напиться холодной воды.

Вот и Василиск... Он не свободен. Над ним – белый люк, сработанный из цельного куска сверхпрочной породы, покрытый гафниевой плиткой. Что будет, если чудище вырвется из плена, не знает никто, даже директор ЯДИ Невзоров, а уж старший научный сотрудник Островцев – и подавно. И все же именно Андрей время от времени дает Василиску свободу – куцую, как заячий хвост.

Островцев открутил узкий клапан на люке. Замер на пару секунд перед панелью, сверкающей разноцветными кнопками. Надавил на красную. Из клапана вырвалась зеленоватая струйка.

Краем уха Андрей слышал, что предыдущий хозяин ОПО ненароком подставился под струйку, и Василиск растерзал его.

Чувствуя, что жар становится невыносимым и пот застилает глаза, Островцев приспособлением, похожим на сачок, зачерпнул зеленый пар. Повернулся к экрану на белоснежной стене, мерцающему под толстым стеклом. На экране – желтая кривая, под ним – большая красная кнопка. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, Андрей надавил кнопку.

Под люком заскрежетало, словно провернулись жернова чертовой мельницы, струя пара исчезла.

Неуклюжими, в защитных перчатках, руками Андрей возвратил клапан в первоначальное положение.

Едва передвигая ноги, направился к выходу, сопровождаемый шипением Василиска.

«Сиди, тварь», – скрипнув зубами, сказал Андрей.

На дне сачка поблескивали несколько зеленых капелек, будто старший научный сотрудник наловил светлячков. В защитном костюме неудобно собирать капли в пипетку, затем нанести их на cell-стекло. Островцев негромко ругался, когда пипетка, дрогнув, роняла светлячка на белую столешницу, а не в ячейку cell-стекла. Наконец, все светляки очутились в ячейках. Андрей упаковал cell-стекло в защитную пленку и положил на конвейер. Теперь – в душевую и наверх.

Он в костюме стоял под розовыми струями, думая почему-то о фильмах ужасов.

Выйдя из душевой, снял костюм, оставшись в тренировочных брюках и водолазке. Под мышками расплылись желтоватые круги. Босиком по прохладному кафелю Островцев про-

следовал в раздевалку. Морщась, стянул прилипшую к спине водолазку, бросил ее в корзину для мусора. Туда же – штаны. Похлопав себя по безволосой груди, Андрей нашарил на полу шлёпки и пошел к лифту.

Наверху в своем кабинете Островцев наконец-то вынул беруши и еще раз побывал в душевой, на этот раз обмыв собственное тело.

Всякий раз после Василиска, когда Андрей поднимался к себе, ему казалось, что он изменился.

Разглядывая в зеркале посеревшее лицо, старший научный сотрудник испытывал злость: кто виноват в этой серости, если не Василиск? Василиск и Невзоров... И Галя, и Анюта, и мать. Все они, каждый по-своему, виноваты.

Из-под пола доносилось приглушенное шипение. Андрею показалось: кто-то читает странный стишок:

*Пастушок, не ходи босиком!
Видишь – ленты шуршат по земле?
Слышишь шепот – колышется шмель?
Чуешь скошенной запах травы?
Пастушок, не ходи босиком.*

– Проклятая! – Островцев размахнулся и стукнул по своему отражению кулаком. Зеркало треснуло – из разрезанной руки пошла кровь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.